

Анна Бену

СИМВОЛИЗМ СКАЗОК И МИФОВ НАРОДОВ МИРА

Анна Бену

**Символизм сказок и мифов
народов мира. Человек –
это миф, сказка – это ты**

«Алгоритм»

2011

Бену А.

Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты / А. Бену — «Алгоритм», 2011

Книга Анны Бену посвящена изучению зашифрованного языка сказки и мифа. В книге дается интерпретация сказочных героев и чисел, волшебных предметов, природных ландшафтов и явлений, символика цвета, стихий, времен года, растений и животных. Сказка и миф – способ заглянуть в самого себя, обнаружить там волшебников и добрых фей, злобных драконов и коварных ведьм, найти в себе героя, побеждающего иллюзии и обретающего мудрый опыт. Книга адресована всем интересующимся философией и символизмом сказочно-мифологического мышления народов мира, преподавателям школ и вузов, студентам, родителям.

Содержание

Введение	6
Исторический и символический подход к анализу сказок	10
Девять	11
Десять	12
Три сферы обитания сказочных персонажей	15
О чем говорят мифы о сотворении мира?	16
Эротизм сотворения мира	24
Символика чисел в сказках	30
Ноль	30
Один, единица	31
Два	32
Три	33
Четыре	35
Пять	37
Шесть	38
Семь	39
Восемь	40
Двенадцать	41
Весна	42
Осень	43
Зима	44
Стихии	48
Огонь	48
Вода	50
Воздух	52
Земля	54
Недостача или жажда познания и трансформации?	56
Горизонтальное и вертикальное перемещение в сказке	57
Русские народные сказки	58
Царевна-лягушка	62
«Стрела в поле»	66
Символика брака	77
Свадебное копыто	79
Венок	82
Пояс	84
Огонь	86
Хлеб	87
Баба Яга	88
Лес	89
Дом Яги – избушка на курьих ножках	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Анна Бену
Символизм сказок и мифов народов
мира. Человек – это миф, сказка – это ты

Фото Лилии Бабаян, Алексея Черникова и Анны Бену
Костюмы Екатерины и Светланы
Мирошниченко, Анны Бену и Валентины Мещеряковой

Грим Анастасии Дудиной

Дизайн обложки Александра Смолового и Анны Бену

Введение

О чем говорят мифы и сказки?

Общими для всех сказок являются остатки уходящего в древнейшие времена верования, которое выражает себя через образное понимание сверхчувственных вещей. Это мифическое верование походит на маленькие кусочки расколовшегося драгоценного камня, которые рассыпью лежат на поросшей травой и цветами земле и могут быть обнаружены лишь зорко смотрящим глазом. Смысл его давно утерян, но он еще воспринимается и наполняет сказку содержанием, одновременно удовлетворяя естественное желание чудес; сказки никогда не бывают пустой игрой красок, лишенной содержания фантазии.

Вильгельм Гримм

Создать миф, так сказать, осмелиться за реальностью здравого смысла искать более высокую реальность – это самый явный признак величия человеческой души и доказательство ее способности к бесконечному росту и развитию.

Луи-Огюст Сабатье, французский теолог

Жизнь – это миф, сказка, с их положительными и отрицательными героями, волшебными тайнами, ведущими к познанию самих себя, взлетами и падениями, борьбой и освобождением своей души из плена иллюзий. Поэтому все, что встречается на пути, – загадка, заданная нам судьбой в виде Медузы горгоны или дракона, лабиринта или ковра-самолета, от разгадки которой зависит дальнейшая мифологическая канва нашего бытия. В сказках пульсирующим ритмом бьются сценарии нашей жизни, где мудрость – Жар-птица, царь – разум, Кощей – пелена заблуждений, Василиса Прекрасная – душа...

Человек – это миф. Сказка – это ты...

Анна Бену

Почему сказки и мифы бессмертны? Умирают цивилизации, исчезают народы, а их сказания, мудрость мифов и легенд вновь и вновь оживают и волнуют нас. Что за притягательная сила сокрыта в глубинах их повествования?

Почему в нашей реальности мифы и сказки не теряют своей актуальности?

Что самое реальное в мире для тебя, читатель?

Для каждого человека самое реальное на свете – это он сам, его внутренний мир, его надежды и открытия, его боль, поражения, победы и достижения. Разве волнует нас что-либо больше, чем то, что происходит с нами сейчас, в данный период жизни?

В этой книге я рассматриваю сказки и мифы как сценарии жизни каждого из нас. Это про наших жар-птиц мудрости и Змеев Горынычей иллюзий повествуют старинные сюжеты. Это о нашей победе над хаосом повседневных препятствий рассказывают древние мифы. Поэтому сказочные сюжеты бессмертны и дороги нам, они увлекают нас в новые путешествия, побуждают к новым открытиям их тайн и самих себя.

В этой книге рассматривается одна из многочисленных граней интерпретации древних мифов и волшебных сказок разных народов, сказочно-мифологического мышления и его символизма.

Многие исследователи сказки и мифа выявляют различные их аспекты, различные способы интерпретации, взаимообогащающие друг друга. Владимир Пропп рассматривает сказки с точки зрения народных верований, обряда, ритуала.

К.Г. Юнг и его последователи – с точки зрения архетипического опыта человечества. Юнг утверждал: именно благодаря сказкам можно наилучшим образом изучать сравнительную анатомию человеческой психики. *«Миф – это естественная и необходимая ступень между бессознательным и сознательным мышлением»* (К.Г. Юнг).

Американский исследователь мифов Джозеф Кемпбелл считает мифы источником развития, информации и вдохновения человечества: *«Миф – это тайные врата, через которые неистощимая энергия космоса изливается в культурные достижения человека. Религии, философские учения, искусство, социальные установления первобытных и современных людей, базовые открытия науки и технологии, даже наполняющие наш сон сновидения – все это капли из волшебной кипящей чаши мифа»*.

Индийский философ XX века Ананда Кумарасвами говорит о мифе: *«Миф воплощает собой теснейшее сближение с абсолютной истиной, какое только может быть выражено в словах»*.

Джон Френсис Бирлайн, американский исследователь мифов в книге «Параллельная мифология» пишет: *«Мифы – древнейшая форма науки, размышления о том, каким образом возникла Вселенная... Мифы, взятые сами по себе, проявляют удивительное сходство между культурами различных народов, разделенных огромными расстояниями. И эта общность помогает нам увидеть за всеми различиями красоту единства человечества... Миф это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших пяти чувств. Он заполняет пропасть между образами подсознания и языком сознательной логики»*.

А.Н.Афанасьев с удивительным постоянством видит во всех мифах и волшебных сказках природные явления: солнце, тучи, гром и молнии. Прометей – это огонь молнии, прикованный к скале-туче; злобный Локки германской мифологии – тучи и гром; бог Агни индийской мифологии – «окрыленная молния»; «кочерга – эмблема молниеносной палицы бога Агни, помело – вихря, раздувающего грозное пламя»; крылатый конь – вихрь; Баба Яга, летающая на метле-вихре, – туча; хрустальная и золотая гора – небо; остров Буян – весеннее небо; могучий дуб острова Буяна, так же, как и чудесное дерево Валгаллы, – туча; все драконы и змеи, с которыми борются герои – тоже тучи; девица краса – красное солнце, похищаемое змеем – символом зимних туманов, свинцовых туч, а освободитель девицы – герой-молния, разбивающая тучи; чудо-юдо рыба-кит, золотая рыбка и щука Емели, исполняющая желания, – туча, наполненная плодотворною влагой жизнедающего дождя и т.д. и т.д.

Афанасьев в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу» очень подробно, объемно рассматривает одну из граней интерпретации сказки и мифа.

Конечно, человек, живущий в окружении природы, ее стихий, не может не отражать ее в своих поэтических сравнениях. Но как микрокосм, человек несет в самом себе отражение макрокосма – всего окружающего мира, поэтому можно рассмотреть сказочно-мифологическое мышление человечества как размышление о смысле и цели своего бытия в этом необъятном, полном намеков и подсказок удивительном мире.

«Миф – это символическая история, раскрывающая внутренний смысл вселенной и жизни человека» (Алан Уотс, английский писатель и западный комментатор дзен-буддистских текстов).

Наиболее объективное исследование сказочно-мифологического мышления древних народов можно совершить, синтезируя опыт многих авторов.

Мирча Элиаде призывает к изучению символических систем, составляющих одну из областей самопознания человека, объединяя разносторонний опыт профессионалов: *«...такое изучение будет по-настоящему полезным лишь при условии сотрудничества между уче-*

ными разных специальностей. Литературоведение, психология и философская антропология должны учитывать результаты работ, проведенных в области истории религии, этнографии и фольклористики».

Данное исследование не претендует на абсолютную объективность. Да и кто может на нее претендовать, хотя и хочется? Истина, сокрытая множеством покровов, вдруг на миг приподнимает одну из своих завес внимательно вглядывающемуся в ее неуловимое лицо, дарит радость встречи возлюбившему ее и вновь ускользает под призрачными вуалями бесконечных тайн. Но у нас остается радость встречи и ее аромат, ее дыхание...

Так когда-то, начиная задумываться над смыслом мифа и сказки, пытаясь проникнуть в их суть, я испытывала радость открытий, анализируя их сначала на уроках с детьми, потом со студентами. Мне казалось – эврика! Я открыла! А несколько лет спустя, когда я получила диплом в Вальдорфской школе, прочитала книгу немецкой исследовательницы европейской народной сказки Фридель Ленц, обнаружив многие свои открытия, но сделанные гораздо раньше. Что ж, по крайней мере, это говорит о большей объективности этих открытий. А радость встречи со сказкой в своей жизни, мифотворчество своего бытия всегда пребывают с нами.

Начнем с экскурса в историю.

«Слово «миф» происходит от греческого *mythos*, которое в глубокой древности обозначало «слово», «высказывание», «историю»... Миф обычно объясняет обычаи, традиции, веру, социальный институт, различные феномены культуры или явления природы, опираясь на якобы фактические события. Мифы повествуют, например, о начале мира, о том, как были созданы люди и животные, откуда и как произошли некоторые обычаи, жесты, нормы и т.п.

Мифы часто классифицируют по их тематике. Наиболее распространены космогонические мифы, мифы о культурных героях, мифы о рождении и воскрешении, мифы об основании городов.

Мифотворчество – свойство человеческого сознания вообще. Миф формируется в исходных формах в подсознании и сознании человека, он близок к его биологической природе» (Лалетин Д.А., Пархоменко И.Т.)

Волшебные сказки и мифы, созданные в разных уголках мира, одинаково интересны, понятны и притягательны для людей любых национальностей, любого возраста и профессий. Следовательно, символы и образы, заложенные в них, универсальны, характерны для всего человечества.

Цель данного исследования – не полемизировать о различиях мифа и сказки, а проанализировать аналогичные символы и явления, существующие в них. Для этого подумаем, что есть символическое мышление.

Символическое мышление присуще человеку от начала времен. Посмотрим вокруг: буквы алфавита – это символы; книги – набор понятных нам символов; слова – набор звуков, которые мы условно приняли за эталон и поэтому понимаем друг друга. При упоминании только этих двух понятий – слова и буквы, становится понятно, что без символов и символического мышления развитие человека невозможно. Можно перечислять и далее: символы религий, медицинские обозначения, денежные единицы, дорожные знаки, орнаментальные символы в искусстве, обозначения химических элементов, обозначения и символы, используемые в компьютерном мире и т.д. И чем дальше развивается цивилизация, тем больше ей требуется условных знаков, символов для обозначения определенных явлений, открывающихся перед ней.

«...благодаря символам Мир становится «прозрачным», способным показать Всевышней» (Мирча Элиаде).

Как понимали мир древние народы? Что несет в своей сути сказка и миф, кроме того, что лежит на «поверхности» текста?

«Символический образ мышления присущ не только детям, поэтам и безумцам, – пишет историк религий Мирча Элиаде, – он неотъемлем от природы человеческого существа, он предшествует языку и описательному мышлению. Символ отражает некоторые – наиболее глубокие – аспекты реальности, не поддающиеся иным способам осмысления. Образы, символы, мифы нельзя считать произвольными выдумками *психеи-души*, их роль – выявление самых потаенных модальностей человеческого существа. Их изучение позволит нам в дальнейшем лучше понять человека...» (Мирча Элиаде. «Миф о вечном возвращении»).

Символический анализ сказочно-мифологических представлений древних цивилизаций многое может открыть нам. Изучение символов – это бесконечное и притягательное путешествие во времени и пространстве, приводящее к вневременному, к пониманию самих себя.

Исторический и символический подход к анализу сказок

Известный исследователь волшебной сказки В.Я. Пропп, изучавший исторические корни волшебной сказки, проводит взаимосвязи сказки и социального строя, обряда, ритуала.

Девять

Тридевятое царство, тридесятое государство

В.Я. Пропп приводит пример того, как герой ищет себе невесту за тридевять земель, в тридесятом царстве, а не в своем царстве, считая, что здесь могли отразиться явления экзотизма: невесту почему-то нельзя брать из своей среды. Это явление можно рассматривать не только с исторической точки зрения, но и с символической. Для этого необходимо обратиться к символике чисел. Тридевятое царство – это три раза по девять. Мы видим здесь тройку – мистическое число, выделяемое во всех древних культурах (см. «Символика чисел в сказках»). Древние представляли мир как некое триединое начало, как мы увидим позже, разбирая космогонические мифы. Триединство идеи, энергии и материи; миров – небесного, земного и подземного, загробного. Девятка является последним числом от одного до десяти – далее числа повторяются во взаимодействии. При умножении девяти на любое число, в результате сложения цифр получившейся суммы всегда будет девять. Например, $2 \times 9 = 18$, $1 + 8 = 9$, $3 \times 9 = 27$, $2 + 7 = 9$, $9 \times 9 = 81$, $8 + 1 = 9$ и т.д. Таким образом, 9 воплощает в себе полноту всех чисел и является символом бесконечности. Можно предположить, что тридевятое царство – символ полноты триединства мира, которое ищет главный герой, хочет обрести и заключить с ним союз, вступив в брак с прекрасной девой и часто воцаряясь в нем, не возвращаясь обратно. Мирча Элиаде считает, что древо, растущее за тридевять земель, на самом деле находится в другом мире – не физической реальности, а трансцендентальной.

В немецкой сказке (Афанасьев, том 2) мальчик-пастух поднимается по огромному дереву три раза по девять дней. Пройдя первые девять дней, он попадает в медное царство с медным источником, пройдя следующие девять дней – в серебряное царство с серебряным источником. Поднимаясь еще девять дней, он входит в золотое царство с источником, бьющим золотом. Здесь мы видим эволюцию сознания, движение по вертикали от медного – менее драгоценного до золотого. Золото также является символом солнца, его лучей и истины. Т.е. здесь мы наблюдаем путешествие сознания к истине, сокрытой на вершине мирового древа – вершине космоса. Девять дней – это законченный цикл. (Неслучайно и беременность длится именно девять месяцев.) Т.е. мальчик познает мир по ступеням знаний от единицы – начального, элементарного знания, до девятки – полноты определенной области бытия, т.к. далее цифры лишь повторяются. Это можно сравнить со школой с первого по девятый класс – познание медного царства – сбор необходимых начальных знаний. Следующие девять ступеней подъема в серебряное царство – это обучение в вузе, обретение более углубленного, более драгоценного опыта и знаний. Далее следует подъем на девять ступеней в золотое царство – царство зрелости золотого истинного плодотворного опыта, накопленного за годы подъема.

Посещение медного, серебряного и золотого царств и погружение в их источники говорит о пути познания от земного знания до высот небесных знаний к золоту истины, к трансцендентному опыту и преображение в нем.

Десять Тридешатое царство-государство

Десять – это единица и ноль. Единица – начало отсчета. Пифагор говорил: «Единица – отец всего», подразумевая под этой цифрой Логос, изначальную идею, творящую мир, то, из чего все рождается. Ноль предшествует единице, это то небытие, первоизданный океан, из которого рождается Логос – единица и куда все, пройдя свой путь развития, возвращается. Ноль – некое бесконечное вневременное состояние. Единица и ноль – это идея и ее полное осуществление и завершение, вплоть до возвращения к своему первоисточнику, полная реализация данной идеи.

Тридешатое царство – три раза по десять. Это полная реализация трех миров: мира идей – небесного, духовного, мира эмоций – сферы земного бытия и мира действий или опыта предков – область загробного мира (в одном из контекстов).

Другой пример Проппа. Он проводит аналогии между обычаем зашивать в шкуру покойника и сказочным мотивом, где герой сам зашивает себя, например, в шкуру коровы, затем его подхватывает птица и переносит на гору или в тридевятое царство. Здесь также можно применить не только исторический, но и символический подход, опирающийся на исторические корни. Так, во многих архаических культурах существовал культ матери, и в земледельческих культурах корова несла в себе материнское жизнедающее начало, была символом плодородия. Зашить себя в шкуру коровы это значит символически переродиться в утробе матери. Далее птица выносит героя. Птица – обитатель небесной сферы, которая у большинства народов была символом духовной сферы, небо было обителью высших существ, богов. Птица переносит героя в тридевятое-десятое царство, т.е. перерождаясь в шкуре коровы, герой обретает при помощи птицы – своего устремления к познанию – полноту бытия.

Пропп считает также, что некоторые сюжеты сказок возникли в результате переосмысления обряда и несогласия с ним. Так, «был обычай приносить девушку в жертву реке, от которой зависело плодородие. Это делалось в начале посева и должно было способствовать произрастанию растений. Но в сказке является герой и освобождает девушку от чудовища, которому она выведена на съедение. В действительности в эпоху существования обряда такой «освободитель» был бы растерзан как величайший нечестивец, ставящий под угрозу благополучие народа, ставящий под угрозу урожай. Эти факты показывают, что сюжет иногда возникает из отрицательного отношения к некогда бывшей исторической действительности».

И этот сюжет подвергается символическому анализу. Мотив «красавицы и чудовища» встречается впервые у древнеримского философа и писателя Апулея в его романе «Золотой осел», куда он включил сказку под названием «Амур и Психея». Имя главной героини говорит о том, что действие происходит в сфере анимы – души, эмоциональной сферы человека. Анализируя сказки далее, мы увидим, что женское начало – это сфера эмоций, душа, а мужское – сфера логоса, разума. Чудовище, змей, дракон – символ хаоса, неосознанной агрессии, инстинктов, которые стремятся поглотить неразумную деву – эмоции, душу, но сфера разума побеждает это негативное начало и освобождается от него. Если использовать терминологию Фрейда, то Герой – это Я человека, сознательное разумное ядро личности. Знания о том, как победить хаос и какими средствами, как победить чудовище и освободить деву – психоэмоциональную сферу, – дает герою Сверх-я. Само чудовище – Оно – «кипящий котел инстинктов».

Таким образом, в сказках есть исторические корни, которые превращаются в объективный символ, доступный пониманию каждого человека. На Руси существовал обряд перепекания младенца, если он рождался недоношенным или болезненным. Ребенка обмазывали тестом – символизирующим солнечные лучи, укладывали на ухват и помещали в теплую печь, а когда

его вынимали, считалось, что он родился заново. Здесь можно провести аналогии с сюжетом, где Баба Яга, унося детей, стремиться сжечь их в печи, т.е. символически переродить.

Пропп также приходит к выводу, что не все в сказках можно объяснить исторической реальностью, традицией и обрядом. Так, «если Баба Яга грозит съесть героя, то это отнюдь не означает, что здесь мы непременно имеем остаток каннибализма. Образ яги-людоедки мог возникнуть и иначе, как отражение каких-то мыслительных, а не реально-бытовых образов... В сказке есть образы и ситуации, которые явно ни к какой действительности не восходят. К числу таких образов относятся, например, крылатый змей и крылатый конь, избушка на курьих ножках, Кощей и т.д.».

Пропп отнес эти символы к мыслительной действительности.

Мирча Элиаде считает героев сказочно-мифологических миров рожденными сферой подсознания. «Подсознательное, как его называют, гораздо поэтичней и философичней, мистичней, чем сознательная жизнь... Подсознание населено не одними только чудищами: там скрываются также боги, богини, герои и феи; да и чудища подсознания тоже мифологичны, они продолжают исполнять те же функции, что отведены им во всех мифах: в конечном счете, они помогают человеку полностью освободиться, завершить свое посвящение».

Если бы сказки относились только к исторической реальности, а история, традиции и обряды у всех народов разные, то они не стали бы общечеловеческими.

Швейцарский психоаналитик, ученица Юнга, Мария-Луиза фон Франц утверждает, что волшебные сказки находятся вне культуры, вне расовых различий, являются интернациональным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей. Мария-Луиза фон Франц отвергает теорию происхождения сказки из ритуала, обряда, считая основой сказки архетипический опыт человечества. Она считает происхождение и сказки, и ритуала из архетипического опыта. (Пример: «автобиография Черного Оленя, шамана племени американских индейцев Оглала Сиу»). Заколдованность персонажей она сравнивает с психическим заболеванием и освобождение от колдовства – избавлением от болезни. *«С психологической точки зрения заколдованного героя волшебной сказки можно было бы сравнить с человеком, единой структурной организации психики которого нанесено повреждение и поэтому она не в состоянии функционировать нормально... Если, например, анима какого-нибудь мужчины характеризуется невротическими свойствами, то, даже если сам этот мужчина и не является невротиком, он все равно будет ощущать себя в какой-то степени заколдованным... быть заколдованным означает, что какая-то отдельная структура психического комплекса повреждена или стала непригодной для функционирования, а от этого страдает вся психика, поскольку комплексы живут, если так можно выразиться, внутри определенного социального порядка, заданного целостностью психического, и это – причина того, почему нас интересует мотив заколдованности и средства для излечения от нее».*

М.Элиаде говорит о воображении, рождающем мифы и сказки, как неотъемлемой части психического здоровья человека и нации в целом. *«Та сущностная неотъемлемая часть человеческой души, которую зовут воображением, омывается водами символики и продолжает жить архаическими мифами и теологическими системами... Народная мудрость неизменно настаивает на важности воображения для духовного здоровья личности, для равновесия и богатства его внутренней жизни... Психологи, и в первую очередь К.-Г.Юнг, показали, до какой степени все драмы современного мира зависят от глубинного разлада души-психеи, как индивидуальной так и коллективной, – разлада, вызванного в первую очередь всевозрастающей бесплодностью воображения. Обладать воображением – значит пользоваться всем своим внутренним богатством, непрерывным и спонтанным кипением образов».*

М.Элиаде считает способность к мифотворчеству, сновидения, грезы наяву силами, возносящими обусловленное человеческое существо в духовный мир, куда более богатый, чем замкнутый мирок его «исторического момента».

В отличие от Марии-Луизы фон Франц и В.Я. Проппа, немецкий исследователь и психоаналитик Фридель Ленц рассматривает сказку как внутреннюю историю жизни каждого из нас, где все персонажи – это различные качества и начала человека. «Сказки – это выраженные в образах внутренние судьбы и пути развития отдельного человека». Фридель Ленц, проанализировав многие европейские сказки, дает интерпретацию символов, встречающихся в них. Она дает символику ландшафтов, служб и профессий, одежды, украшений, оружия, растений, сказочно-мифологических существ и т.д. Фридель Ленц утверждает, что сказка похожа на маленькую драму, которая разыгрывается на нашей внутренней сцене, где персонажи в облике человека – душевно-духовные силы, персонажи в облике животных – влечения и инстинкты, а ландшафты – внутреннее место действия. Она также рассматривает человека с точки зрения трехчленного деления на тело, душу и дух, так называемую трихотомию, имевшую силу в Европе вплоть до девятого века. Создатели сказок основывали их на учении о трехчленном человеке, понятийно сформулированном уже Аристотелем. «*Дух* человека, его вечная энтелехия, его «я» появляются в мужском образе, и все подчиненные ему силы представляются как мужские. *Душа* открывается в образном языке всех народов как женское существо, и все душевные качества появляются в женских образах. *Тело*, как защищающая оболочка, являет себя в виде дома, замка, хижины, башни».

Таким образом, умея интерпретировать волшебные сказки и мифы, мы получаем ключи к разрешению психических проблем. Помимо освобождения от «заключения болезни» сказки несут правильный образец, архетипическую модель поведения. В них заложен и смысл бытия, как в глобальном понимании – цель жизни отдельного человека, так и цепь смыслов каждого текущего момента. В каждое мгновение нашей жизни мы делаем выбор, определяющий, будем ли мы заколдованы его ошибкой – и тогда нужно будет искать волшебные средства мысли, силы воли, терпения и упорства на пути к освобождению. Либо, делая изначально правильный выбор, мы пожинаем радость открытий, творчества, счастья. Но в любом случае расстраиваться по поводу ошибки не стоит – посмотрим на мифы и сказки: герои, прежде чем совершить подвиги, идут «налево», а затем, исправляя содеянное, становятся победителями. И на пути к победе мы, как и герои сказки, получаем волшебные предметы – волшебный опыт, драгоценное познание нашего пути, нашей жизни и самих себя.

Три сферы обитания сказочных персонажей

Можно распределить всех сказочных обитателей, а также волшебные предметы, стихии, природные ландшафты по трем сферам: небесной, земной и подземной.

К небесной относятся боги, символы мудрости в виде волшебников, фей, волшебных животных, стихий огня и населяющих ее саламандр, воздуха и населяющих его эльфов. Птицы также относятся к небесной сфере. В этом сходятся мнения и Марии-Луизы фон Франц, и Фридель Ленц. «Птицы являются воплощением почти бестелесной сущности, а также отождествляются и с дыханием, так как обитают в воздухе, а следовательно, и с человеческой душой... В Северной Америке живет племя, в котором слово «перо» используется как суффикс для обозначения того, что существует только психологически, а не в объективной реальности... Когда североамериканские индейцы или эскимосы отправляли приглашение для другого племени на религиозный праздник, то в руках посланников всегда были палки с перьями, что делало их неприкосновенными. Прикрепляя к себе перья, первобытные люди хотели этим подчеркнуть, что являются существами... имеющими связь с духом». В славянской традиции птицы соотносились с духовной сферой, были вестниками из высшего мира, поэтому головные уборы украшались перьями или имели вид кокоши, птицы, осеняя голову, таким образом, светом небесного высшего мира.

Отсюда и все крылатые существа положительного характера – феи и эльфы – символы высшей сферы сознания.

Ветер – сила небес, также относится к небесной духовной сфере. «В большинстве религий, а также в мифологии, духовную силу обычно олицетворяет ветер» (Мария-Луиза фон Франц).

К земной относятся герои, ищущие победы над врагом, странствующие в поисках прекрасного; природные ландшафты – лес, горы, река, море, поле; животные; стихия воды и населяющие ее ундины, русалки. Вода соотносится с душевными силами, по аналогии качеств. Вода может быть холодной и горячей, грязной и чистой, твердой – лед, жидкой и невесомо парить в небе облаком, вода циркулирует между небом и землей. Так и эмоции человека могут быть возвышенными и низменными, душа может быть холодной как лед и пылать как огонь страстями или любовью.

К подземной относятся карлики, гномы, драконы и ящеры, пещеры с сокровищами и т.д. Это сфера подсознательного, где таятся неосознанные, непознанные таланты, а также символ материального мира, материального сознания, область инстинктивных начал.

Все символы, все персонажи сказочно-мифологических миров – это различные начала и качества человека.

Так, **небесная сфера** и населяющие ее существа – это высшие качества человеческого сознания – истина и мудрость.

Земная сфера – это ищущая высшей сферы воля, познающий разум, прекрасная, но часто неопытная душа, область эмоционального пространства.

Подземная сфера – это подсознание, его скрытые силы, а также область невежественного материального сознания, источник иллюзий и хаоса.

О чем говорят мифы о сотворении мира?

Рассмотрим и проведем сравнительный анализ космогонических мифов народов мира. Почему в своей основе они несут так много сходства? Почему состояние до возникновения Бытия все народы рассматривают как бесформенный океан хаоса и мрака? Почему мир до творения сравнивается именно с некими водами? Из мрака рождается свет, небо отделяется от земли, возникают мужское и женское начала – происходит разделение единства, возникновение дуальности мира. В основе творения лежит идея триединства божества. Но почему все троицы мира состоят из мужского начала?

Может быть, потому, что мир действительно возник так, как описывают мифы, а люди описали это наиболее приближенными к истине словесными образами. Видимо, мифы о бытии и сотворении несут в себе бесконечное множество смыслов, как бесконечна и многолика сама вселенная, которую они описывают. Здесь космогонические мифы рассматриваются с точки зрения одной из граней, в аспекте отражения макрокосмических проявлений в человеке – микрокосмосе.

Древнеегипетское сказание о сотворении мира гласит:

«В начале времен существовал **бескрайний океан**, Нун, и он был домом Великого Отца. Океан дал жизнь богу солнца, который сказал: «Смотрите! Я – Хепри утром, Ра в полдень и Атум на закате». Бог света сначала появился как **сияющее яйцо**, плавающее на поверхности океана, и духи глубин, которые были Отцами и Матерями, находились рядом с ним, поскольку они были спутниками Нуна.

Затем Ра стал более великим, чем Нун, из которого он возник. Он был отцом богов и их могущественным правителем...

Ра произнес слово в начале Творения и приказал земле и небесам подняться из водных глубин. Они появились в свете своего величия, и Шу поднял Нут на небо. Она образовала купол, который изогнулся над Гебом, богом земли, распростертым под ней. На восточном горизонте находились ноги Нут, а на западном горизонте, вытянув руки, она опиралась на кончики пальцев. В темноте становились видны звезды, мерцающие на ее теле и больших, обнаженных конечностях.

Когда Ра, согласно собственной воле, *произносил вслух свои сокровенные мысли*, то, что он называл, возникало из небытия. Ра смотрел в пространство и все, что он желал увидеть, появлялось перед ним. Он создал всех живых существ, которые передвигаются в морских глубинах и по сухой земле. Затем из его ока родилось человечество...» («Египетская мифология» Энциклопедия. – М. Изд-во Эксмо, 2007. – 592 с.)

Понятие о триедином боге выражено следующими словами:

«Всего **три** бога есть – **Амон, Ра, Птах**,
Нет другого.
Сокрытое имя его – Амон,
Ему принадлежит Ра, как лицо,
Тело его Птах».

(Ян Ассман «Теология и благочестие ранней цивилизации»)

Миф шумеров повествует о начале мира:

«Когда небеса и земля были слиты и не было на них ни травы, ни тростника, ни деревьев, ни рыб, ни зверей, ни людей. Были они как одна гора в пространстве, заполненном **вечными водами** дочери океана Намму, праматери всего сущего. Произвела она из себя Анна (Небо) и Ки (Землю), сына и дочь, и поселила их раздельно. Анна – на вершине горы, а Ки – внизу,

под ее подножием. Когда дети выросли, они стали крутить головами и искать друг друга. И свела их Намму, соединила как мужа и жену. И родила Ки владыку Энлиля, наполнившего все вокруг своим могучим дыханием» («Гора небес и земли». *Немировский А.И.* Мифы и легенды Древнего Востока. М., Просвещение, 1994).

Индийские «Веды»:

«В начале не было ни сущего, ни несущего. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Не было ни смерти, ни бессмертия. Не было дня и ночи. Но было нечто, что дышало, не колебля воздуха. И не было ничего, кроме него. Мир был сокрыт **мраком**. Все было **неразличимой пучиной, пустотой**, порожденной силой жара. Первым пришло желание, семя мысли... Воды возникли ранее всех иных творений. Они породили огонь. Огнем же в них рождено **Золотое яйцо**. Неведомо сколько лет оно плавало в безбрежном и бездонном океане. Из золотого зародыша в яйце возник Прародитель Брахма. Он расколол яйцо. **Верхняя часть скорлупы** стала небом, **нижняя** – землей, а между ними Брахма поместил воздушное пространство. На земле, плавающей среди вод, он определил страны света, положил начало времени. Так была создана вселенная («О том, что было в начале» (*Немировский А.И.* Мифы и легенды Древнего Востока. М., Просвещение, 1994).

Мифы Китая также повествуют о сотворении мира из мрака и хаоса. «Согласно общеизвестному мифу, в глубокой древности, когда не существовало еще ни земли, ни неба, в мире царил мрачный, бесформенный хаос. Постепенно в этом мраке возникли два духа – Инь и Ян, которым предстояло упорядочить мир. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь – землею... В древнекитайской мифологии существует образ Хуньдунь, воплощающий в себе идею недифференцированного хаоса, бывшего до того, как Вселенная обрела свое существование. Это **образ первобытного яйца** или **мешка**, расщепление которого дает возможность его неразделенному ранее содержимому обрести форму в виде организованной Вселенной» (*В. Ежов.* Мир возникает из хаоса // Мифы Древнего Китая. М., «Астрель», 2003). Китайский миф сравнивает сотворение мира с рождением цыпленка из яйца:

«Было время, когда земля и небо еще не分离лись друг от друга и, слитые вместе, составляли нечто, отдаленно напоминающее по виду **куриное яйцо**. Здесь и зародился, как цыпленок в желтке, первый человек Пань-гу. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он пробудился. Вокруг был **непроницаемый липкий мрак**, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Пань-гу размахнулся что было сил и ударил перед собой.

Раздался оглушительный грохот, словно бы от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Пань-гу, пришел в движение. Все **легкое и чистое всплыло вверх**, а **тяжелое и грязное опустилось на дно**. Так возникли небо и земля...»

Сказания Японии о зарождении мира:

«В те времена, когда Хаос уже начал сгущаться, но еще не были явлены ни Силы, ни Формы, и не было еще ничему Имени, и ни в чем Деяния, кто мог бы тогда познать его образ?

Но вот настало впервые разделение Неба-Земли, и **три божества (Амэ-но-Минака-ниси, Така-ми-мусуби и Ками-мусуби – «Троица» синтоизма**, первые явленные божества) совершили почин творения; и раскрылись мужское и женское Начала, и Два Духа стали родоначальниками всех вещей.

И вошел Он во мрак, и выступил на свет; когда Он омыл глаза, солнце и луна пролили свой блеск; и поплыл Он, и погрузился в воды моря; и когда Он омывал свое тело, возникли небесные и земные божества» («Кодзики», гл. «Записи о деяниях древности свиток 1». Составление и общая редакция Р.В. Грищенкова. Санкт-Петербург, «Кристалл», 2000).

Сотворение мира, описанное в Библии:

«Когда в начале сотворил Элохим небеса и землю, не имела земля ни формы, ни вида, и была **тьма над лицом бездны**, и дуновение божье витало над **водой**. И сказал Элохим: «Да

будет свет!» И стал свет. И увидел Элохим, что свет хорош, и отделил свет от тьмы. И назвал он свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день первый.

И сказал Элохим: «Да будет твердь внутри вод и да отделил она воды от вод». И сотворил Элохим твердь и отделил от воды, что под твердью. И назвал Элохим твердь небесами. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Элохим: «Да соберутся воды, что под небесами, в одно место. И да явится суша!» И это свершилось. И назвал Элохим сушу землей, а стечение вод – морями. И увидел Элохим, что это хорошо. И сказал Элохим: «Да произведет земля зелень – траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды по роду своему». И свершилось это. Выпустила из себя земля зелень – траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды...» (*Немировский А.И. Библейские сказания // «Мифы и легенды Древнего Востока». М., Просвещение, 1994).*

Мифы индейцев майя в сказании «Пополь-Вух» так повествуют о сотворении:

«Это – рассказ о том, как все было в состоянии **неизвестности**, все холодное, **все в молчании**; все бездвижное, тихое; и пространство неба было **пусто**.

Это – первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось **Сердце небес** – таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло **его слово**. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещаюсь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй – Чипи-Какулха. Третий – Раша-Какулха. **И эти три суть единое Сердце небес.**

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об их пище и пропитании.

– Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, – так говорили они. – Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем созидании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! – так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. **«Земля!» – воскликнули они**, и немедленно она была сотворена... Сперва были созданы земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у под-

ножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодоносной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью» («Легенды и мифы народов мира. Америка, Австралия и Океания». Сборник. М., «Мир книги», «Литература», 2006).

Мифы индейцев пима Северной Америки говорят о сотворении:

«В начале не было ничего, кроме **тьмы и воды**. Тьма сгустилась в некоторых местах, и из нее возник Создатель. Он бесцельно **блуждал над водой** и начал **мыслить**. Он ясно понял, кто он такой и что ему надо сделать. Он **погрузил руку в свое сердце** и извлек из него волшебный жезл творения.

Он использовал его как посох, и когда на конце посоха собралось немного смолы, он превратил ее в муравьев. Потом он взял еще смолы и слепил из нее ступнями совершенно круглый шар, напевая при этом:

Я творю мир, и глядите,
Мир завершен.
Я творю мир, и глядите,
Мир завершен.
Да будет так, да будет так,
Да будет так, пусть все начнется!

Пока он пел, шар становился все больше и больше, пока наконец не достиг размеров Земли; так была создана Земля.

Потом Создатель взял большую скалу, разбил ее и швырнул в небеса, где ее обломки превратились в звезды. Потом он сотворил подобным образом Луну, но ни Луна, ни звезды не давали достаточно света.

Тогда Создатель взял две чаши с водой, вышедшей из его собственной плоти, и стал **мыслить о свете**. Когда он разъединил чаши, в небе появилось Солнце. Но оно еще оставалось неподвижным. Поэтому Создатель по сей день бросает его, словно мяч, к востоку, а оно отскакивает на запад» (*Джон Ф. Бирлайн*. Параллельная мифология. М., «КРОН-ПРЕСС», 1997).

Поэма аккадян и вавилонян «Когда вверху» так рассказывает о творении мира:

«Когда вверху небеса еще не имели названья, когда твердь имени не имела, когда были лишь первородный их сотворитель Апсу (Апсу – **мировой океан** подземных пресных вод, воплощение первозданной стихии, первопричина жизни. Соответствует греческому Хаосу) и Мумму (Мумму – советник Апсу, обладающий лучами его сияния), мудрый его советник, и Тиамат (Тиамат – олицетворение первозданной стихии женского пола), всего живого прама-терь. Жили они в **Океане**, воедино смешивая свои воды. Когда ни болот, ни строений не было видно, вообще ничто имени не имело, тогда среди них появились боги» (*Немировский А.И.* Сказания народов древней Месопотамии // Мифы и легенды Древнего Востока).

В карело-финском эпосе «Калевала» так повествуется о сотворении мира:

Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,

В растянувшихся равнинах.
Так жила и заскучала,
Странной жизнь такая стала:
Постоянно жить одною
И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.
И спустилась вниз девица,
В *волны вод* она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву качало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Незачатый – не рождался...
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«...Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
Здесь лишь холод да мученья...
О ты, Укко, бог верховный!
Ты, всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,
Поспеши скорей на помощь!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеши, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!»
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот летит красотка утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища...
«Коль совою гнездо на ветре,

На волне жилье поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны».
Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.
Утка, та красotka птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено...
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое из железа.
Вот наседкой стала утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит —
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает —
Покатались яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать – земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,

Тучи в воздухе явились.
И вперед уходит время,
Год вперед бежит за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца молодого.
Мать воды плывет по морю,
Мать воды, творенья дева,
По водам, дремотой полным,
По водам морским туманным;
И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
Наконец, в году девятом,
На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать создання стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых.
Только руку простирала —
Мыс за мысом воздвигался;
Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась —
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась —
Бухты малые возникли...
Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись,
Создались земные страны,
Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы...

*(«Калевала». Пер. с фин. Л.П. Вельского. СПб., Издательский Дом
«Азбука-классика», 2007)*

Из приведенных примеров видно, что в начале есть только мрак и хаос, часто упоминаются воды хаоса, некой праматери. Примечательно, что первобытные воды во многих культурах ассоциируются с женским началом. Далее общее – мировое яйцо, рожающее мир, несущее в себе символ триединства: желток, белок и скорлупу. Триединство божества: Тримурти – Брахма, Вишну, Шива индуистов; Какулха-Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха – триединное сердце небес майя; Амэ-но-Минака-нуси, Така-ми-мусуби и Ками-мусуби – Троица синтоизма; Амон, Ра, Птах египтян; Сварог, Перун, Святovit – Триглав славян; Один, Вилли и Ве – скандинавская троица; триада германского пантеона – Водан, Донар и Циу Священное число три и деление мира по вертикали на три части также присуще многим народам: мир

небесный – богов и духов, мир земной – людей и мир подземный, загробный. Три – символ духовной составляющей мира, энергетической и физической или – идея, энергия и материя, составляющие триединство всякой вещи, всего мира. Три в плане человека – дух, душа и тело.

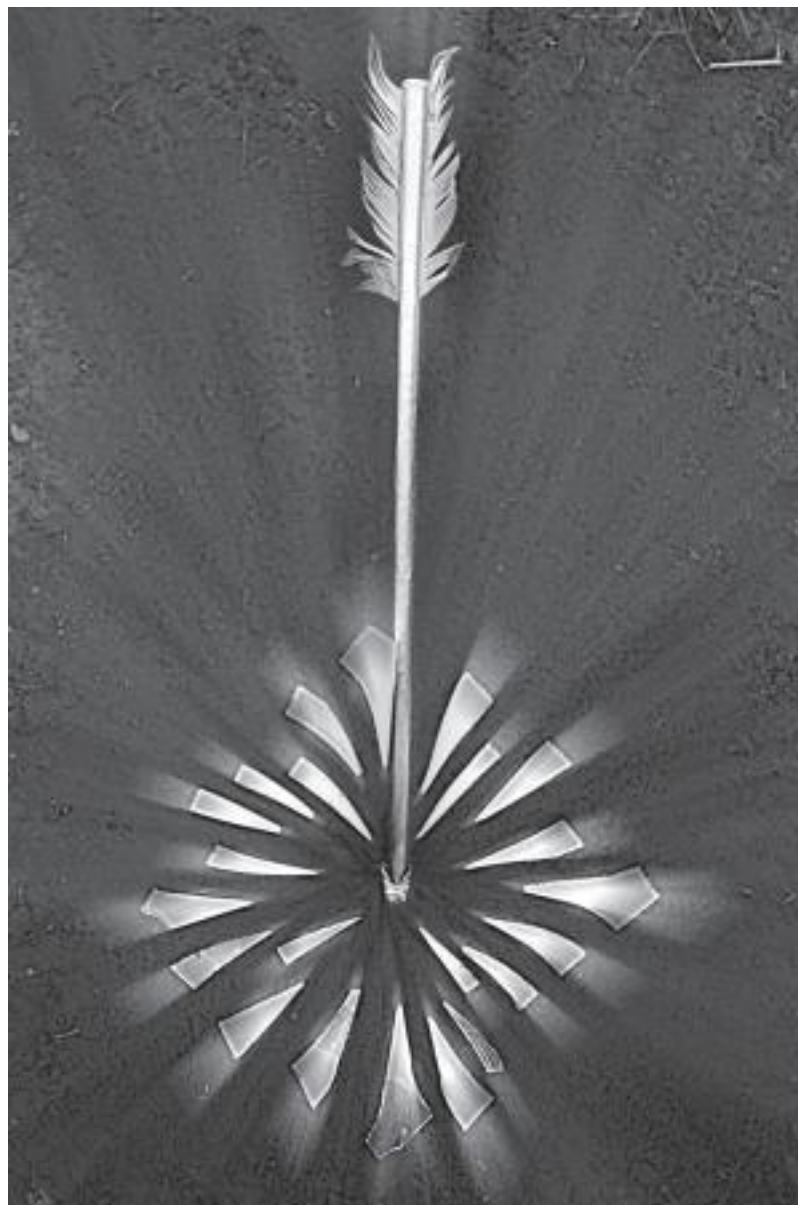
«Так почему же во всех троицах одни мужчины?» – спросила меня однажды после лекции студентка. Может быть, потому, что все три части мира – мир идей или духовный, мир энергии или душевный и мир физический или мир поступков – создают активные аспекты мира, олицетворенные мужским началом. Именно мужское – творчески активное сеет идеи: идея духовного мира, идея душевного и идея физического олицетворены мужскими божествами. Женское начало призвано дать осуществление возникшему миру, подарить ему красоту симфонию красок и звуков, пронизать и объединить любовью. У трехликого Шивы есть супруга Шакти, дающая ему энергию, без которой он мертв. У египетского демиурга Птаха, сотворяющего мир из праха земли есть возлюбленная Хатхор, вдыхающая влагу жизни в созданные им вещи. Когда богиня покидает вещь, вещь разрушается. Не случайно все великие творцы, гении, пророки, ученые, философы, художники, музыканты – именно мужчины, а женщины среди них – исключение. Но очень часто вдохновением для мужчин в создании великого и гениального служат именно женщины.

Эротизм сотворения мира

Проводя аналогии рождения мира с зачатием ребенка, обнаруживается удивительное единство. Мужское семя дает начало новому миру – новому человеку, оно активно и стремительно, подобно молнии, летит в пространствах обволакивающей мягкой пустоты женского лона, пронзая светом возбужденного логоса вечную тьму за ее порогом. Но творческий логос пробужден к жизни, любви и сотворению – женщиной, ее зовущим к осуществлению и претворению самих себя вождленным началом. Вселенский фаллос спал в темноте первобытных вод и был пробужден и восстал из недр океана, влекомый к пробуждению волнами пустоты вселенской женственности, и пролил семя света, озарил глубины тьмы и начал творение. В порыве невыразимой любви к бесконечной вселенной, он создал подобных себе мужчин и подобных ей женщин, чтобы фаллосом каждого мужчины входя в зовущие негой недра каждой женщины признаваться в любви своей вселенской возлюбленной.

Мифы народов мира описывают возникновение во мраке света, творение вселенной звуком или словом.

Когда из первобытных вод хаоса рождается свет, возникает двойственность мира – свет, исходящий от звезд и пространство темноты, принимающей его в свои увлекающие в бездну неозаренности объятия. Разделенное стремится к единству. Свет спешит наполнить собой темноту, пронзая ее стремительно летящими лучами, и темнота зовет их все дальше, вглубь, увлекая вселенским вихрем оргазма, воссоединения разделенного танцующего мира. Есть только свет и темнота и их вечное соединение, их рождающая миры любовь. Есть только любовь.

Словно стрела, вложенная в натянутую тетиву, стремительно летит слово в неозаренных пространствах, взрываясь тысячами всплесков новых миров, созвездий, галактик, сотрясая органами аккордами замеревшую от восторга пустоту. Словно торжествующая молния входит фаллос мужчины в обнимающую бархатными лепестками чашу лона-цветка, наполненную медовым нектаром, увлекаемый и поглощаемый жаждущей его слова, его света, его семени, манящей дорогой влаги лица женщины, взрываясь тысячами стрел вселенского оргазма, в поисках почвы для творения нового мира.

Наша разделенная вселенная состоит из темноты, пронизанной крохотными песчинками звезд. Если разделенное противоположно целому, то Целое – это вселенная света, в которой черные дыры – провалы в наш физический мир – столь малы, и не способны давать света, а только поглощать, что их просто нет. Они есть как источник желания, сквозь крохотное отверстие которого Целое изливается оргазмом в творящий мир. Эти черные дыры в мире света становятся окном – лоном женщины, чрез которое желание Целого воплощается в нашем мире, покрытом покрывалом тайны. Женское начало – дверь из мира света в мир темноты, из мира Целого в мир Разделенности. Птицы человеческих душ проваливаются в эти зовущие, маня-

щие колодцы, дно которых – живая плоть. Птицы душ стремительно летят, повинувшись всеобщему желанию, в распахнутые настежь окна вселенской женственности.

Фаллической силой слова пахтается мировой океан, создавая бессмертную амриту – нектар единения целого и разделенного в вечном поцелуе.

Но двойственность мира, состоящая из противоположностей, – это в первую очередь конфликт. Это спор между светом и тьмой. Свет стремится наполнить собою тьму, рассеять мрак, а тьма стремится поглотить свет. На грани их конфликта существует мир. Все мировые религии провозглашают торжество добра и ведут человека к гармонии и порядку. Но порядок возможен, если очевиден хаос, жаждать истины можно, если ты познал ужасы, порожденные неведением, стремятся к добру люди, отвергающие зло. Развитие мира совершается на ниве конфликта противоположностей, и вне конфликта нет поступательного эволюционного движения. «А как же гармония?» – спросите вы. Да, гармония завершает определенный этап борьбы, она венчает кратковременную победу над очередным проявлением хаоса, дает умиротворение и счастье. Так заканчиваются в основном все сказки и мифы мира. Но начинаются они с конфликта, продолжаются поиском и борьбой и лишь в конце повествования ждет героя награда и долгожданный покой. Но это лишь на время, конец сказки это не конец жизни, а жизнь – это конфликт, поиск, борьба, поражение и победа, гармония, счастье и снова конфликт. И не нужно бояться этого слова. Конфликт – это необходимая пружина для развития, он порождает стремление к познанию, к свободе от неведения, к достижению цели... Конфликт и хаос – не одно и то же. Хаос уничтожает. Конфликт состоит из гармонии и хаоса, из их совместного труда, который называется – жизнь.

Бойтся ли Бог хаоса и его проявлений? Станный вопрос. Всех нас учили, что Бог всемогущ, следовательно, ему нечего бояться. Бойтся ли хаос (источник иллюзий) Бога? Если хаос – источник заблуждений, а заблуждения при свете божественного логоса – рассеиваются, следовательно, они боятся исчезнуть. Все существующее жаждет существовать и не желает исчезнуть. Значит, хаос как источник неведения и иллюзий – бойтся Бога. Мы же подобны Богу, как написано. Если мы боимся хаоса, мы подобны ему. Мы стремимся к Богу и при этом шарахаемся от малейшей тени непонятого и поэтому ужасающего. Мы боимся мрака бездны, темных сил и при этом находимся в сфере этого влияния. Страх порождается неведением, неведение лечится постоянным познанием. Если мы осознаем свое подобие Богу, Всевышнему, Высшей творящей силе, страх перед любым проявлением тьмы исчезает.

Мир – это конфликт, мир – это любовь, кому как больше нравится. Гармония и конфликт тоже любят друг друга и не могут существовать отдельно.

Желание летит сквозь ниву пустоты, накаляясь все сильнее и сильнее, и, ударяясь о пределы желаемого, взрывается вихрем миров, существ и тварей, каждая из которых несет в себе волны вселенского взрыва, зовущие вернуться обратно к источнику желания. И все воплощенные осколки разлетевшегося на части целого неумолимо возносятся, влекомые волнами беспрекословного магнетизма объединения в целое, к началу желания.

Желанием Творца было создать этот мир. Страдает ли Создатель от своих желаний? То, что существует целое и разделенное, как проявление желаний целого, уже рождает конфликт между состоянием единства и разделенности. Все воплощенное ликует в радости своего предельного бытия и боится исчезнуть, трепещет от страха перед удочкой времени, на которую поймано поглощающим вещи Целым.

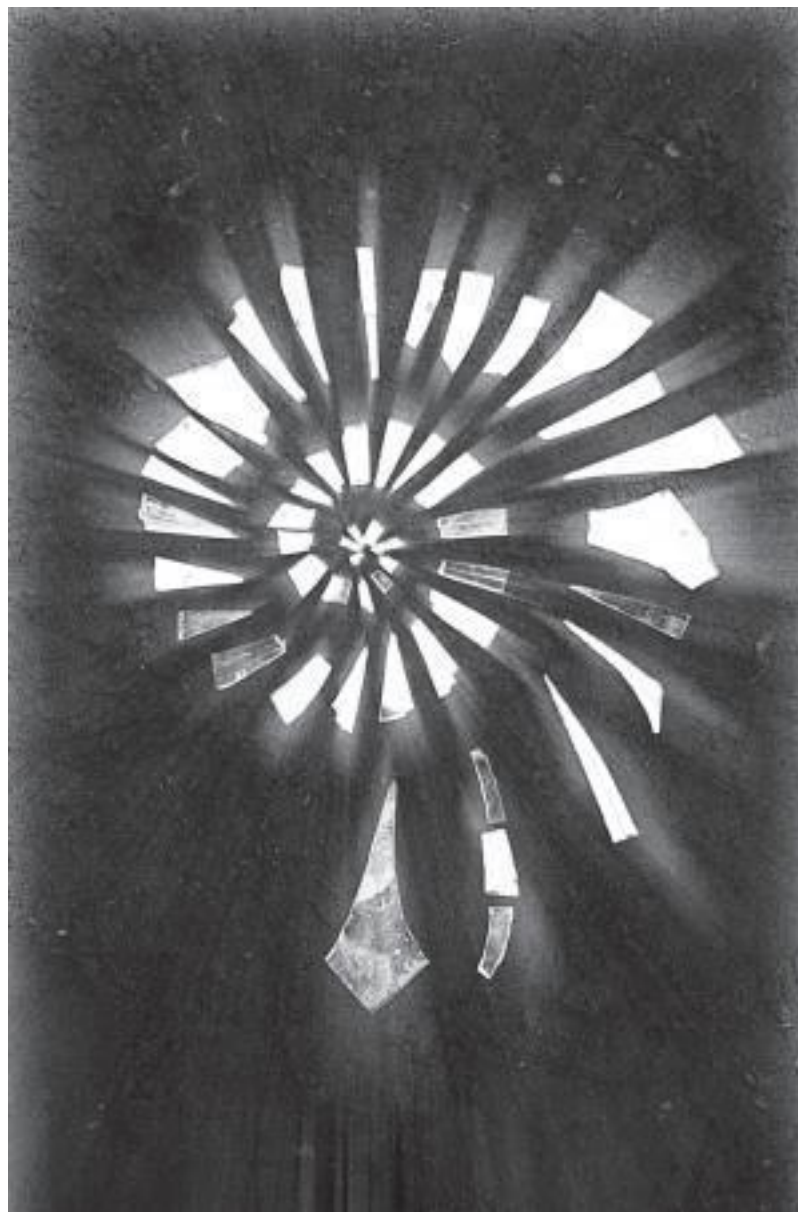
Сотворенное многообразно и разделенно, все вещи отделены друг от друга своим назначением и природой и поверхностью – это цель Целого – разделиться, чтобы проявить желания. Поэтому неудивительно, что люди в этом мире так стремятся отделиться друг от друга – религиозными конфессиями, политическими партиями, философскими убеждениями, стилем одежды и т.д. Это естественно – обособить свою точку зрения от другого, чтобы суще-

ствовал этот многообразный мир. Разделенность – естественное состояние всего сотворенного. Но единый источник сотворенного побуждает вернуться, поэтому стремление к единству, к объединению среди людей так же естественно, как и разделение. И чем меньше перегородок меж созданным, тем ближе Целое. Но если все перегородки исчезнут, исчезнет разделение и все придут к всеобщему единству, этот физический мир исчезнет. Прекрасно и Разделенное и Целое, и они существуют одновременно, так как между Целым и Разделенным нет перегородок. Целое пронизывает Разделенное, поэтому они существуют вечно вместе.

Можно долго дискутировать по поводу происхождения мира, но рождение каждого человека повторяет сотворение вселенной, каждый человек и есть новая непознанная вселенная. Ребенок во чреве матери пребывает в полной темноте, покачиваясь в околоплодных водах и еще никак не осознает себя. В лоне матери он пребывает в яйцевидном мешке, защищающем его, пока он формируется, и разрывающемся в момент рождения. Первозданное мировое яйцо раскалывается на две части, подобно околоплодному мешку, хранящему младенца, и в его вселенной, где раньше не было верха и низа, впервые появляется небо и земля, в пространстве которых ребенок постепенно начинает себя осознавать. В момент рождения он впервые издает первый звук – крик и открывает глаза – в этот момент в его вселенной появляется свет и звук. Дальнейшее взросление и превращение в человека происходит посредством общения и называния окружающего словом. Известны случаи, когда ребенка выкармливала волчица. Но тогда он оставался животным, не умея говорить и мыслить словами. Именно речь делает ребенка мыслящим человеком, умение думать словами. Он творит свою вселенную словом, называя вещи вокруг – по аналогии с древними мифами.

Итак, один из контекстов прочтения мифов о сотворении – это акт любви, зачатия и рождения каждого человека.

Триединство мира – это триединство человека, его материальной, психической и духовной природы. Триединство каждой вещи. Это триединство прошлого, настоящего и будущего. Это триединство мира небесного, земного и подземного или загробного.

Сотворение мира – это сотворение каждого из нас из недр небытия. Это свет и тьма нашего разума, это конфликт в поисках желаемого, это любовь во всем ее притяжении. А что волнует тебя более всего, читатель, как не ты сам, не твои переживания, грезы и надежды, не твои осколки разлетающегося счастья, оттого, что ты в сердцах рванул кулаком по своему отражению в мире? Или твое блаженство узоров радости под Музой, помогающей сложить разлетевшиеся разноцветные стеклышки в витражи неожиданных свершений?

Почему мифы и сказки столь аналогичны? Они почерпнуты из объективного коллективного опыта человечества. В подсознании каждого человека сокрыты объективные символы. Посмотрим исследование немецких ученых, изучавших рисунки детей разных национальностей и культурных слоев до трех лет. Первое – это так называемые «каля-маля» – ломаные хаотичные линии.

Далее дети наматывают круговые линии – пытаются прийти к спирали, сложнее для ребенка сделать замкнутый круг.

При рассмотрении символов орнаментов разных народов, везде мы найдем спираль и круг. Это символы развития: спираль, наблюдающаяся во вселенной – в структуре космических явлений; круг, не имеющий ни начала, ни конца – символ бесконечности.

Итак, от хаоса – «каля-маля» – ребенок через стремление к развитию, взрослению – спираль – приходит к организованной структуре – кругу – бесконечному познанию самого себя.

Символика чисел в сказках

Ноль

Ноль предшествует единице, это то небытие, первозданный океан хаоса, о котором повествуют мифы разных народов, из которого рождается Логос – единица и куда все, пройдя свой путь развития, возвращается.

Один, единица

Единица – начало отсчета. Пифагор говорил: «Единица – отец всего», подразумевая под этой цифрой Логос, изначальную идею, творящую мир, то, из чего все рождается. Далее единица делит себя пополам, это уже две части, затем на три и так далее. Единица – символ единства, неразделенности, целостности. Все остальные цифры меньше единицы, так как составляют ее часть.

Два

Два – две половинки единицы. Двойка всегда подразумевает полярность, двойственность мира – ночь и день, свет и тьма, мужчина и женщина, тепло и холод, жизнь и смерть, право и лево, тяжелое и легкое и т.д. В сказках часто встречаются два брата и две сестры, олицетворяющие негативные разрушительные силы разума и эмоций. Полярности бывают в сфере добро – зло, положительное – отрицательное, а также в сфере негативного.

Два брата, строящие козни главному герою, – это негативные качества логического начала: безволие – агрессивная воля, догмы и концепции – рассеянность внимания и отсутствие концентрации, хитрость – наивность неведения.

Две сестры, строящие препятствия положительной героине или герою, – это отрицательные силы эмоциональной сферы: гнев – равнодушие, гиперактивность – инертность, страх – безрассудное бесстрашие, жадность – расточительность и т.д.

Три

Три не только в русской культуре, но и многих других – символ триединства мира, трехчленного деления на Небо, Землю и преисподнюю. Практически у всех народов мы можем наблюдать трехчастное деление мира по вертикали. Это небесная сфера и населяющие ее боги, птицы и волшебные существа. Это земной мир людей и подземный мир мертвых. Так в китайской философии мир состоит из трех сфер – это «великий союз неба, земли и человека, – названный Великой троицей» (Гармония неба и земли. *Эдвард Л. Шонесси*. Китай. Земля небесного дракона. М., 2001).

В русской народной традиции тождество представлений человек – дом – космос также рассматривалось в плане триединства. Небесная сфера со светилами и птицами соотносилась с крышей дома и головой человека. Земная сфера соотносилась со срубом дома и телом человека. Подземный мир – мир мертвых – это подпол дома и ноги человека. «Вертикальное членение человеческого тела повторяет устройство мира: голова соотносится с небом, ноги – с землей, пуп уподобляется центру мира – «пупу земли». Дом также соотносится с архаической моделью мира: крыша связана с космическим верхом, сам дом – с землей (миром людей), подполье – с подземельем.

В архаических текстах заговоров членение человеческого тела ведется либо по направлению снизу вверх или сверху вниз, причем восходящее движение связано с сотворением, синтезом, а нисходящее – с разрушением». (Верования. Ритуал. Символ. *Н.Е. Мазалова*. Человек и дом: тождество русских представлений)

Для индейцев Мезоамерики пространство мира также делится по вертикали – трехчленное пространство (*Г. Еришова*. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000).

«Священный вигвам североамериканских индейцев алгонкинов и сиу, – пишет Мирча Элиаде, – изображает вселенную. Крыша символизирует небесный свод, пол изображает землю, а четыре стены – четыре стороны света».

«Образ трех космических уровней достаточно архаичен; он встречается, например, у пигмеев племени семанг с Малаккского полуострова: в Центре их мироздания высится огромная скала, Бату-Рибн, под ней располагается преисподняя. Некогда Бату-Рибн был стволом дерева, достигавшего небес. Ад, Центр Земли и Врата Небес находятся, стало быть, на одной оси, вдоль которой осуществляется переход из одной космической области в другую... У римлян, например, *mundus* считался местом пересечения нижних областей и земного мира. Итальянский храм знаменовал собою место, где сходятся верхний (божественный), земной и подземный (адский) миры... Столица китайского императора была осеяна волшебным Вознесенным древом, кьян-му, где перекрещивались три космические зоны: Небо, Земля и преисподняя». (Мирча Элиаде «Миф о вечном возвращении»).

«Мировое древо разделило мир на три яруса, – пишет кандидат искусствоведения Л.М. Буткевич. – Его крона ассоциировалась с Небом, ствол с землей, корни – с подземным океаном, преисподней.

Современный человек, разделивший миропонимание на обыденный уровень, не выходящий за рамки бытовой ориентации в окружающем пространстве, и отвлеченно-научный, доступный далеко не каждому, с большим трудом способен понять, как мыслил древний человек. В его сознании не было такого разделения, и он, образно говоря, постоянно носил в своем представлении весь Космос, усматривая аналоги космологическим процессам в окружающем мире и согласовывая с ними свою собственную деятельность».

«Данные мифологии, – пишет Евсюков в книге «Мифология китайского неолита» (Новосибирск, 1988), – свидетельствуют, что образующее собой сердцевину космоса, появляющееся одновременно с ним из хаоса Мировое Древо мыслится как ... «образ мира», «конспект миро-

здания». Вся духовная культура древности глубоко космологична, все ее элементы в разной степени соотнесены и субординированы в соответствии с мифологической структурой вселенной, наиболее ярким воплощением которой является Мировое Древо... В трехчастной, разделенной по вертикали системе бытия, средний мир по отношению к оси размещался горизонтально и к тому же делился на четыре равные части».

Итак, мы видим тождество представлений древних народов о космосе и человеке, и членение макрокосма и микрокосма по вертикали на три части. Это членение присуще мифологическому мышлению древних. Следовательно, все персонажи, стихии, герои, волшебные существа и предметы также соотносятся с тремя сферами.

Три – это три начала в человеке – духовное, душевное и телесное.

Три – сфера мысли, сфера чувств и сфера поступков.

Три – идея, энергия, материя, лежащие в основе мироздания. Три – мир духовный, мир живых людей и мир загробный. Все эти понятия воплотились в символе яйца, как образа мироздания, ведущего от поверхности скорлупы материи через белок энергетической части к центру – идее, лежащей в основе всего. Образ мирового древа и мирового яйца, дома, человека и храма несут в себе понятие о трехчленном делении и единстве мира.

Четыре

Четыре – символ четырех сторон света – восток, запад, север, юг. Символ четырех времен года – весна, лето, осень, зима (см. «Четыре опоры»). Графически число четыре изображается в виде символа креста и квадрата. Кандидат искусствоведения Л.М. Буткевич трактует крест как центр, к которому стремится человеческая душа. «В существующей обширной литературе крест трактуется как древнейший сакральный знак, подчеркивающий идею центра, упорядочивающий пространство, определяя в нем направление связей и зависимостей, означающий ориентацию в пространстве, точку пересечения верха – низа, правого – левого. Вертикальный стержень креста в первобытном сознании отождествлялся с Осью мира, Мировым Древом. Стоящая с раскинутыми руками человеческая фигура имеет форму креста, и сам человек в древнем мире воспринимал себя как живую модель Оси мира и системы координат... Квадрат – в отличие от круга связывается с идеей земного начала как места обитания человека, воспринимаемого в системе координат, где выделены стороны света и присутствует четырехмерная цикличность природных явлений. Четырехугольник с крестом еще более усиливает это значение, образуя центр, ось координат... (число восемь) Квадрат в отличие от круга, не имеет природных аналогов, но зато он является наиболее употребляемой формулой при создании человеком множества предметов. Небо-круг тем самым выступает как Бог-творец, выражение Абсолюта, тогда как земля-квадрат – творимое, производное, созданное при посредничестве креста, что вполне соответствует представлениям древности, отраженным во множестве мифов».

«Давно отмечено, пишет В.В.Евсюков, – что горизонтальная ориентация по сторонам света определенным образом увязывается с вертикальной моделью, так что север оказывается тождественным низу, а юг верху». «Известно также, – пишет Л.М. Буткевич, – что исток реки мыслится как верх, устье – низ, на восток поднимаются, а на запад опускаются. Поэтому в огромном количестве мифов поиск Неба ведет к краю земли, где оно сходится с землей». То, что находится вверху, выше области бытия человека – горы и небо, космос в народных представлениях всегда мыслится как сфера совершенства, добра и истины. То, что находится внизу, ниже стоящего на земле человека, мыслится как область низменного, несущего угрозу и порождающего страх – отсюда образы преисподней с языками пламени, страдающих душ умерших и др. Небо и космос графически изображались в виде круга – замкнутой линии, несущей идею бесконечности пространства и времени. «Круг, – пишет Л. М. Буткевич, – в самом общем аспекте был в древнейшей культуре воплощением представлений о важнейших, основополагающих качествах: абсолютное равенство, прямота, единообразие, бесконечность, вечность, круговорот бытия. Сюда входили и морально-эстетические аспекты – добро, красота, и проч. Круг ассоциировался с понятием небесного совершенства – Бог, Небо, Космос, Солнце, луна, звезда, планета и проч.» (См.: Гроссе Э. О происхождении искусства. М., 1899; Гуцин А.С. Происхождение искусства. М. – Л., 1937; Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986).

Таким образом, крест представляет собой пространство, графически выраженное вертикальной и горизонтальной линиями: верх – низ, право – лево. Человек, находящийся в центре креста (как пятый элемент) воспринимает то, что парит выше него – недостижимой истиной, совершенством, областью трансцендентных сил, богов, миром духа. А то, что покоится ниже – устрашающей бездной. Горизонталь, разбитая надвое вертикалью рая и ада, образует горизонт жизни человека, где он стоит на распутье между выбором правого и левого пути: правды или искаженной истины, гармонии или хаоса, подвига или эгоистичного наслаждения.

Циклическое повторение времен года отразилось графически в изображении свастики – вращающегося креста. «Свастика, являющаяся в символическом отношении производной от

формы креста, как бы означает идею «крест в движении». Тем самым она есть отображение замкнутого кругового движения Вселенной и всего того комплекса идей, которые связаны с идеей креста и круга» (*Буткевич Л.М. История орнамента. М., 2008*).

Свастика – это вращение жизни не только вселенной, но и человека. Это рай и ад, сменяющие друг друга в непрерывной дуальности этого мира, это выбор истинного и ложного путей и последствия этого выбора. Так и катятся в своем круговращательном движении человеческие судьбы, как валы скатанного сена с высоких холмов, а вращает спицу колеса свернувшееся эмбрионом сердце. А потом взбираются на вершины – тяжело хоть валу, хоть свастике, и сердце просыпается, раскидывает руки на все четыре стороны и стучит, стучит многосоставными вагонами идей и распахнутыми дверьми с земли на небо взбираясь по мировому столпу вечной мечты совершенства.

Пять

Человек всегда находится в центре креста – восток, запад, север, юг, и в центре креста времен года. Человек как отражение природных явлений, отражение мира, несет в себе времена года – свое младенчество и юность весны, зрелость лета, плодоносность осени и мудрый покой старости – зимы. Живя внутри пространства восток – запад, где восток – это встающее солнце – символ света знаний, солнца мудрости, а запад – с одной стороны, отдых после созидательных трудов познания дня, с другой – закат солнечного света, т.е. знаний, человек выбирает направление: жизнь, обращенная к востоку – истине, либо жизнь, обращенная к закату – постоянному отдыху от знаний, т.е. обращенная к неведению. Другое пространство – север – юг – это пассивные и активные силы внутри человека.

Человек, находящийся в центре этого креста, образует его центр и число «пять», недаром фигура человека вписывается в пентаграмму, пятиконечную звезду.

Шесть

– Что такое человек? – Раб смерти, мимоидущий путник, гость в своем доме.

– Как он окружен? – Шестью стенами.

– Какими? – Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

Алкуин. «Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Алкуином Схоластиком»

К кресту, несущему в себе четыре направления, добавляется еще одна горизонталь – спереди и сзади, формируя объемную картину бытия человека. То, что вверху – недостижимое совершенство, то, что внизу – опустошающая пропасть, справа – движение к правде, активное деятельное проявление в жизни, слева – движение к тайне, пассивность для мира и поиск в молчании самого себя. Направление спереди – сзади создает время – будущее и прошлое, между которыми движется человек в вечном настоящем. То, что за спиной человека – его пройденный жизненный путь, его опыт, ошибки и достижения. То, что впереди человека – его будущее, таящее в себе загадки и надежды. Шестерка коней в сказках – это шесть направлений, влекущих колесницу жизни человека. Шесть голов чудовищ и драконов – это сеть иллюзий и заблуждений, встречающихся во всех направлениях пространства и времени. Возносится ли человек в небеса познания – здесь ожидают его и мудрость и лукавомудрые драконы-мысли. Падает ли он в бездну – и там ожидает его надежда и раскаяние или же шипящие змеи страстей. Идет ли человек вправо или влево – везде его ждут откровения и заблуждения. Вглядывается ли он в свое прошлое или будущее – везде он обнаружит истину и то, что нужно от нее отсечь.

Графически шесть изображается в виде пчелиной соты, имеющей шесть граней, образующих формой своих ячеек бесконечный ковер, подобный бесконечности вселенной. А также шесть образуется из двух перекрещивающихся треугольников вершиной вверх и вниз, образующих форму соты. «Как известно, символикой треугольника с вершиной вверх являлось в древности мужское начало, связанное в то же время с идеей огня (сравним – небесный огонь), тогда как треугольник с вершиной вниз олицетворял женское начало, ассоциирующееся с водой» (Л.М. Буткевич. История орнамента. М., 2008; Г. Бидерманн. Энциклопедия символов. М., 1996).

Соединение двух треугольников образует шестерку – единство мужского и женского начал, огня и воды. Треугольник вершиной вверх образует графически восходящее движение снизу вверх – символ устремленности человека к небесам мудрости, к совершенству. Треугольник вершиной вниз образует нисходящее движение, напоминающее воронку, символически собирающее, концентрирующее идеи и приводящее к материализации, рождению. Лono – бедра женщины образуют треугольник вершиной вниз, сохраняющий внутри растущее дитя, выскальзывающее при рождении из этой нижней сакральной точки – новому отсчету бытия. Оба треугольника – вершиной вверх и вниз, совмещенные вместе отражают универсальную модель и принцип жизни. Соединение мужского зачинающего начала и женского, рождающего.

Семь

Семь – так же, как двенадцать и девять, – законченный цикл. Семь дней недели, семь цветов радуги, семь нот, семь основных планет Солнечной системы. Это палитра красок сознания и души человека для создания им собственной вселенной. Это семь нот гаммы, звучащей различными мелодиями гармонии и диссонансов человеческой жизни. «Принцип двенадцати, проявляющийся в небосводе с неподвижными звездами, семеричность планет находят свое отражение в образном языке многих сказок, – пишет исследовательница сказки, ученица Штайнера Фридель Ленц. – Парацельс, величайший врач средневековья, еще употреблял названия планет вместо названий органов. Мозг подчинен Луне, легкое – Меркурию, почки соответствуют Венере, сердце – Солнцу, желчь – Марсу, печень – Юпитеру и селезенка – Сатурну» (*Фр. Ленц. Образный язык народных сказок*). Фр. Ленц считает, что цифра «семь», выраженная в различных персонажах, – это «ростки духовно-душевной сущности человека», действующие в каждом человеке. «Интеллектуальная способность принадлежит одному (мозг), сила воли, связанная с Марсом, – другому (желчь), теплота и любящая сердечность – живущему в сердце» и т.д.

Восемь

О цифре «восемь» уже говорилось выше – это крест в квадрате, две соединенные четверки. Это Творец и творимый им материальный мир, это человек и создаваемый им предметный мир.

Девять и десять – стр. 11, «Исторический и символический подход к анализу сказок».

Двенадцать

Двенадцать – еще один завершенный цикл, замкнутое кольцо, бесконечность. Это повторяющийся цикл двенадцати месяцев года. Каждый месяц несет свое значение, свое неповторимое качество. Год поделен на четыре противоположных времени года. Каждый период – весна, лето, осень, зима состоят из трех месяцев.

Весна

Март, апрель и май – можно сравнить с духом весны, душой и телом.

Март – дух весны, сама идея пробуждения природы, торжество света, дающего жизнь, это начало оживления.

Апрель – душа весны. Это весна, набравшая силы для рождения новой жизни, это накопление под землей мощной энергии, прорывающейся наружу для обретения осуществления. Это радость новой жизни, разлитой в воздухе и вот-вот готовой зазвучать торжественным гимном.

Май – это тело весны, плоды весны – все, что накопило силы и жаждало освобождения от сна, наконец, проросло, расцвело, возблагодухало.

Лето

Июнь – дух лета, июль – душа лета, август – тело.

Июнь – продолжение засева полей. Взрастание молодых побегов. Поиск пары и строительство гнезд. Дух лета в июне закладывает основу для развития, идеи, которые обретут воплощение, семена, которым предстоит вызреть.

Июль – душа лета. Это страда – время напряженной работы в поле, забота об урожае. Это время максимальной энергии, кульминация лета, производительных сил солнца. Июль – знойная, танцующая в буйном радостном танце душа.

Август – тело лета. Идеи, заложенные в июне, обретают воплощение, семена созревают. Все зеленое – молодое, становится зрелым – золотым.

Осень

Сентябрь – дух осени, октябрь – душа, ноябрь – тело.

Сентябрь – дух осени, собирает созревшие плоды на целый год, до нового обновления и созревания. Земля освобождается от трудов. Для людей сентябрь часто – это начало новых начинаний, учебы, новых дел в профессиональной деятельности после поры отпусков – зарождаются новые идеи, которые будут потом воплощаться в течение года.

Октябрь – душа осени. Природа освобождается от листвы, травы, цветов и плодов в дивном танце пестрых узоров. Душа осени стелет туманы, плачет тихими слезами умиротворения, очищения после долгих трудов.

Ноябрь – тело осени. Задача осени – подготовить природу к зиме, ко сну, к отдыху. В ноябре засыпает природа, приближается тишина и покой, ложится снежное одеяло чистоты. Когда ум и душа человека успокаиваются после активной работы, приходят к гармонии – можно сказать, что в уме и душе властвует ноябрь.

Зима

Декабрь – дух зимы. Время, когда ночи, сумрака становится все больше, а дня и света меньше. В противоборстве двух сил доминирует холод и темнота – атрибуты смерти. Дух зимы – это смерть, закон трансформации, освобождения от тяжелого, нечистого, старого. Белый снег – как белые чистые одежды, в которые облачается мир, чтобы преобразиться и начать новую весну с чистых плодотворных потоков, не внося в новый цикл того, что мешало в предыдущем, ничего хаотичного.

Январь – душа зимы. Света становится больше, торжество сияющих снежных покровов, блистающих на солнце всеми цветами радуги. «Мороз и солнце, день чудесный...» (А.С.Пушкин). Соединение света и чистых покровов застывшей воды – это душа, сияющая всеми красками покоя, семью цветами тишины, многогранными кристаллами чистоты. Когда в душе и разуме человека царит торжественная многоликость покоя, можно сказать, что в его сознании наступил январь.

Февраль – тело зимы. Вьюги и бури, снегопады и вспышки ослепительных лучей солнца, то непроглядная тьма, то сияние вездесущего света. Задача зимы – дать отдых потрудившемуся миру, успокоить, дать силы для нового периода работы, очистить от всего наносного и старого, трансформировать хаотичное в плодотворное. Февраль – это борьба, – в двери покоя стучится новая жизнь, новые идеи, выпестованные под молчаливыми покрывами снегов тишины. Февраль приносит самое большое количество снега (по крайней мере так было раньше, до потепления) и света, чтобы весной под воздействием этого животворного света белоснежное одеяло превратилось в пробуждающие, питающие, очищающие воды. Февраль – это распахнутые двери в новую жизнь, сквозь которые стремительным потоком бегут небесные воды тающего снега, спустившегося с высот, несущего пробуждающейся жизни мудрый шепот небес.

Итак, число «двенадцать» несет в себе двенадцать качеств месяцев года:

1. Март – пробуждение
2. Апрель – накопление сил
3. Май – цветение, засеивание
4. Июнь – возрастание
5. Июль – созревание
6. Август – зрелость, осуществление
7. Сентябрь – плодоношение и распределение плодов
8. Октябрь – подведение итогов
9. Ноябрь – успокоение
10. Декабрь – смерть, сон, отдых, преображение
11. Январь – торжество покоя
12. Февраль – двери в новую жизнь.

Двенадцать можно рассмотреть и как двенадцать знаков зодиака, также несущих двенадцать различных качеств, имеющих аналогии в сознании человека. Но об этом подробно лучше скажут профессионалы в сфере астрологии.

Двенадцать – одно из любимых чисел сказок. Человек не мыслил себя в отрыве от космоса, от неба и небесных явлений. Наблюдая за звездами, он вписывал себя и Землю, на которой он живет, в траекторию движения светил, в общий космический танец. Прохождение Земли через двенадцать зодиакальных созвездий имеет свое отражение в сказочно-мифологических представлениях людей древних цивилизаций. Деление дня и ночи на двенадцать часов. Деление года на двенадцать месяцев. «Обычай принимать за единицу времени солнечный год идет из Египта. Большинство других исторических культур (и до некоторого времени сам Египет) знали год одновременно солнечный и лунный, состоящий из 360 дней (из 12 месяцев по

30 дней в каждом), к которым прибавлялись пять дополнительных дней. Индейцы зуны называли месяцы «шагами года», а год – «походом времени» (*Мирча Элиаде. «Миф о вечном возвращении»*).

Эти «шаги года» – 12 месяцев, отразились в мифологии и в мире сказки. Это двенадцать молодцев, исполняющих желания того, кто обладает волшебным кольцом (символ замкнутого цикла, организации движения, бесконечности) или посошком перышком (см. сказку «Три царства – медное, серебряное и золотое»). Это в полночь двенадцать раз пробившие часы, отнимающие волшебные дары у Золушки. Это двенадцать врат и замков мельницы в сказке «Звериное молоко». Это борьба богов солнечной ладьи Ра, проходящей через двенадцать врат ночи, с силами хаоса и победа над ними.

При смене одного периода из 12 месяцев на другой, окончании одного ритмического цикла, повсюду в различных культурах происходит празднование Нового года, как нового этапа Творения.

Мирча Элиаде приводит примеры ритуалов, сопутствующих встрече Нового года. Это посты, омовения, очищения, тушение огня и его ритуальное оживление.

«В момент такого рассечения времени, каким является Новый год, мы присутствуем не только при фактическом окончании одного промежутка времени и начале другого, но также и при отмене прошедшего года и истекшего времени. Таков, впрочем, и смысл ритуальных церемоний очищения: сожжение, аннулирование грехов и ошибок отдельного человека и всей общины в целом, а не простое «очищение». Возрождение, как указывает на то само это слово, – это новое рождение... ежегодное изгнание демонов, грехов и болезней, в сущности, является попыткой вернуть хотя бы на миг мифическое изначальное Время, «чистое» Время, каким оно было в «момент» Сотворения. Любой Новый год – это возобновление Времени с его начала, то есть повторение космогонии. Ритуальные схватки между двумя группами участников, присутствие мертвых, сатурналии и оргии – все эти элементы указывают на то, что в конце года и в преддверии Нового года повторяются мифические мгновения перехода от Хаоса к Сотворению Мира».

У египтян празднование Нового года совпадало с разливами Нила, символически возвращавшего мир в изначальное состояние, к первобытным водам, из которых возникло бытие. Отступая, воды великой реки обнажали холмы суши, символизировавшие первозданный холм Бен-бен – первый участок суши, возникший из вод предвечного хаоса. Плодородная, покрытая илом земля, засеиваемая зерном щедрой рукой крестьянина, была подобна возрождающемуся Осирису. Таким образом, новый цикл, Новый год начинался с обновления природы, с возрождения жизни, возрождения праведного начала, каким являлся в египетской мифологии Осирис – добрый пастырь, в отличие от погубившего и занявшего его престол, брата Сета – олицетворявшего хаос. Хаос – Сет расчленяет праведное начало – Осириса на 14 частей и разбрасывает по всему Египту, но Исида собирает части тела мужа и оживляет его заклинаниями. Справедливость восстанавливается в ходе битвы между Сетом и законным наследником престола, сыном Исиды и Осириса, – Хором.

Вместе с разливом Нила Осирис возрождается. В мире вновь торжествует справедливость, так как хаос – Сет побежден. Эта сила возрождения передается всему Египту, каждому египтянину.

«Отмеченные почти у всех индоевропейских народов, эти мифически-ритуальные сценарии Нового года – со всеми своими шествиями карнавальных масок, жертвенными животными, тайными союзами и т.д. – оформились, несомненно, в основных своих чертах уже ко времени индоевропейского сообщества... мифически-ритуальная модель Нового года как повторения Сотворения (Мира) была известна у шумеро-аккадцев, а существенные ее элементы встречаются у древних египтян и евреев» (*Мирча Элиаде. «Миф о вечном возвращении»*).

Мирча Элиаде описывает церемониал встречи вавилонского года – акиту. «Во время церемонии *акиту*, которая длилась *двенадцать дней*, в храме Мардука торжественно произносилась и неоднократно повторялась так называемая поэма о Сотворении – *Энума элиш* («Когда вверху»). В ней воспроизводилась битва между Мардуком и морским чудовищем Тиамат, – битва, происходившая *во время оно* и с окончательной победой бога положившая конец Хаосу. (То же самое и у хеттов, где показательная схватка между богом бури Тешупом и змеем Илуканкой пересказывалась и воспроизводилась при праздновании Нового года.) Битва между Тиамат и Мардуком изображалась борьбой между двумя группами участников, обряд, который имел место и у хеттов, все в тех же рамках драматического сценария Нового года, и у египтян, и в Угарите. Борьба двух групп участников не только символизировала первоначальный конфликт между Мардуком и Тиамат, она *повторяла*, она актуализировала космогонию, переход от Хаоса к Космосу. Мифическое событие *происходило в настоящем*. «Да продолжает он побеждать Тиамат и сокращать ее дни!» – восклицал жрец. Битва, победа и Сотворение совершались в *это самое мгновение*.

В рамках того же церемониала *акиту* отмечался и праздник, носивший название «праздника Судеб» (загмук), во время которого определялись предсказания на каждый из **двенадцати месяцев года**, что означало *создать двенадцать предстоящих месяцев* (ритуал, сохранившийся более или менее явно и в других традициях).

...«первобытный человек», придавая времени циклический характер, аннулирует его необратимость. В каждое мгновение все начинается с самого начала... это повторение, актуализируя мифический момент, в который было явлено архетипическое действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении Начал» (*Мирна Элиаде*. «Миф о вечном возвращении»).

Итак, время бесконечно возрождается, а вместе с ним возрождается и человек. Время возрождения – это точка смены циклов – дня и ночи, и годового цикла. Каждую ночь человек погружается в сон – символическое небытие, просыпаясь, человек обретает вновь бытие, рождается заново.

В Древнем Египте египтянин, засыпая, помещал голову на подголовник, символизирующий два холма горизонта, между которых восходит солнце. На рассвете, пробуждаясь от сна и открывая глаза, египтянин уподоблялся восходящему, преображенному за ночь молодому солнцу – Хепри. Солнце за день стареет, превращаясь в старца Атума, которому предстоит сразиться ночью с силами хаоса – змеем Апопом. Атум побеждает змея и в виде новорожденного преображенного Хепри появляется на горизонте. Так же и человек, пройдя свой день, принеся плоды, устав от труда, ложится спать, чтобы возродиться с новыми силами во вселенной своего нового дня. И как предвечное божество открывает глаза, изливающие во вселенную первый свет, раздвигающий тьму, и мир начинает существование, так же и египтянин утром открывает глаза во вселенную своего бытия, начиная новое сотворение своей жизни.

Встречу Нового года индейцами майя описывает францисканский монах Диего де Ланда, бывший свидетелем этих празднеств: «В первый день (месяца) Поп, первый день месяца у индейцев, был их новый год, очень торжественный праздник у них, ибо он был общим для всех, и таким образом все селение вместе справляло праздник всех идолов. Они подметали свои дома, а сор и эту старую утварь выбрасывали за селение на свалку, и никто, хотя бы он и нуждался, не трогал ее. Для этого праздника начинали поститься и воздерживаться от своих жен сеньоры, жрецы, знатные люди и те, кто еще хотел по своей набожности; они постились столько времени пред праздником, сколько считали уместным... но никогда не менее тринадцати дней.

Когда наступал новый год, все собирались во дворе храма... Сюда они приходили чистыми и украшенными своими цветными мазями, счистив черную сажу, вымазанные кото-

рой они ходили, когда постились...» (Г. Ершова. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000).

В двенадцать ночи исчезает золотая карета Золушки и все подарки феи. Преображенный прекрасный мир дворца и принца, великолепие одежд – все возвращается в небытие для Золушки, чтобы на следующий день возникло новое сотворение мира из хаоса, из непроявленного возникла красота гармонии. Преобразование старого мира невозможно без борьбы с негативным началом, без труда очищения. Древние народы перед встречей Нового года, нового цикла времени, совершали обряды очищения от грехов. Золушка, прежде чем преобразиться в прекрасную принцессу и обрести бытие в великолепном дворце, т.е. прежде чем создать свою вселенную гармонии, красоты, мудрости и порядка, освобождает свой дом-сознание от всего нечистого и борется с хаотичными силами мачехи и сестер. Подобно древним майя, покрытым черной сажой во время поста очищения перед началом нового годового цикла, очищает свой дом-сознание Золушка европейских сказок, покрытая золой, соблюдая свой пост перед великолепием праздника обручения с принцем.

Иван-королевич из сказки «Звериное молоко» идет за пылью сквозь двенадцать врат мельницы, возвращаясь, побеждает Змея Змеевича, занявшего его трон. Также и бог солнца Ра проходит сквозь подземное царство через 12 часов ночи, сражаясь со змеем Апопом – символом хаоса, побеждает его и вновь возрождается солнцем на утреннем небосклоне.

Опять и опять мы видим борьбу с хаосом, освобождением от его власти и начало нового цикла – преобразенного правления своей вселенной.

Стихии

Огонь

Огонь – устремленные в небо языки пламени, поглощающие материю, возвращающие формы в мир первообразов, мир идей. Сжигая материю, огонь дает свет и тепло, уничтожает нечистое, обеззараживает, очищает.

Огонь подобен духу человека, его разуму. Огонь питается формой, мысль ее созерцанием. Танец огня подобен кропотливой работе мысли, танцующей с отражением вещей, превращая отпечатки окружающего мира в бессмертные образы воплощенных идей.

Огонь имеет созидательный и разрушительный характер. Созидательное значение – это согревающий огонь очага, освещающий огонь факела, лампы, свечи.

Огонь очага

В аспекте огня очага, огня в печи – это горящее сердце дома-сознания. Это созидательные силы сердца – души дома, согревающая любовь, щедрость, забота.

Факел держат в руке на уровне головы или выше, освещая дорогу, другим способом его сложно держать. Голова человека соотносится со сферой разума, духа, мудрости. Огонь факела – это свет знаний, свет разума, освещающего дорогу ищущего сознания.

Свеча состоит из фитиля и воска. Воск, плавясь, дает возможность долго гореть огню, освещая пространство. Свеча подобна человеку: огонь – дух и разум, освещая пространство жизни вокруг, плавят душу – воск, и тело – фитиль, но только вместе мудрость пламени, силы души и основа тела – фитиля способны раздвинуть тьму неведения, тьму небытия и осветить мир несущим просвещение пламенем своей жизни.

Огонь – символ трансформации и очищения

Огонь может иметь и разрушительный характер – стихийные пожары, огонь извергающейся лавы, огонь испепеляющей молнии. В этом случае огонь может иметь либо очистительное значение, сжигая нечистое, темное, дурное, выступать суровым наказывающим судьей, испепеляющим греховное. Огонь и вода аналогичны очистительной функцией, но вода, в отличие от огня, растворяет в себе вирусы и может переносить болезни. Огонь очищает полностью, сжигая зараженное. (Так раньше при помощи огня боролись с чумой, холерой и др.)

Огонь воспламеняет вещи в результате высокой температуры и из мира материи переводит вещи в состояние идей, возвращает в мир духа, при этом высвобождая огромное количество энергии, тепла и света. Горение – это процесс дематериализации, освобождения от власти законов пространства и времени. Горение поленьев подобно жизни человека: высокая температура, при которой воспламеняются дрова, – это напряженная созидательная работа, дающая миру свет знаний и тепло заботы, постепенно возвращающая человека в мир первообразов, духовный мир.

Огонь страстей

А также огонь может являться символом горящих, клочущихся, извергающихся подобно лаве страстей. Хаотичные эмоции, испепеляющие душу подобно огню пожара, могут превратить ее в пустыню. Например, – огнедышащий дракон, с которым сражаются герои – символ низменных огнедышащих инстинктивных проявлений.

«Кроме влияния на плодородие, огню приписываются те же очистительные и вместе целебные свойства, что и молнии. Противодействуя мраку и холоду, он прогоняет и демонов

всяких бед и болезней, в которых первобытные народы видели порождение темной, нечистой силы. С возжжением огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а с его погашением – мысль о смерти. *Огонь есть самая чистая-светлая и в этом смысле святая стихия, не терпящая ничего омрачающего, в переносном смысле: ничего злого и греховного...* Огонь у классических народов – олицетворение женского образа. Согласно тому, светоносная чистота богини Весты возбудила нравственное представление о ее вечной, незапятнанной девственности; почему и служить этой богине, смотреть за ее священным пламенем могли только целомудренные девы (весталки). *Очаг требует от людей целомудрия... Обращаясь к его пламени, люди спрашивали не только богатства, но и чистоты сердца, умеренности, здоровья душевного и телесного...* Обожание пламени, возжженного на домашнем очаге, было общим у всех индоевропейских народов» (А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, гл. XV).

«Огонь – это стихия, – пишет немецкий исследователь греческих мифов Фридрих Юнгер, – в которой воспаряет все живое, одухотворенное».

По своим свойствам огонь сближался с солнцем. По всей Европе были распространены обычаи разжигать костры, прыжки через них, прогон сквозь них скота и др. Джеймс Фрезер пишет о двух теориях огня – солярной и очистительной. Согласно солярной теории «огонь, как и солнечный свет в наших широтах, является созидательной силой, которая благоприятствует росту растений и развитию всего живого... огонь является стимулятором... Название «огонь небесный», которое иногда применяют в народе к огню летнего солнцестояния, недвусмысленно указывает на существование осознанной связи между земным и небесным пламенем.

Согласно другой теории, огонь является могучей разрушительной силой, которая истребляет все вредные элементы материального и духовного порядка, угрожающие жизни людей, животных и растений... В Греции также, по имеющимся сведениям, до сих пор распространен обычай зажжения костров в канун дня святого Иоанна и перепрыгивания через них; прыгая через костер, женщины выкрикивают: «Я оставляю свои грехи позади себя». (Дж. Фрезер. Золотая ветвь. Гл. LXIII. Истолкование праздников огня).

Небесный свет и мудрость человеческого ума в представлениях древних майя имеют единое происхождение: «Дай же мне свет, мой истинный Владыка, свет ума – ты вера для меня и ум!» – гласит молитва из селения Цитбальче (Г. Еришова. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000).

Огонь, по народным представлениям, не только обладал дезинфицирующим свойством, истребляя то, что угрожает болезнями и смертью, но и очистительной силой, исцеляющей от хаоса душу, освобождающей человека от грехов – т.е. ошибок неведения, просветляя и преобразуя разум. Итак «огонь небесный», небесное пламя способно внести свет истины в душу и ясность осознания в разум, освобождая человека от оков неведения и заблуждений.

Вода

Вода и душа человека аналогичны друг другу. И та, и другая несут в себе способность отражать мир.

Способность отражать

Вода – прозрачная жидкость, поверхность которой зеркальна. Она отражает окружающий мир – облака и деревья, людей и животных – все, что заглянет в ее дрожащее зеркало. Вода подобна душе человека, воспринимающей, впитывающей окружающий мир, отражающей его многообразием душевных переживаний.

Способность соединять, устремляться к совершенству, очищать, питать дождем идей

Вода циркулирует между небом и землей, соединяя их между собой. Душа, как и вода, постоянно изменчива, меняет форму, направление – то устремляется в высь небес – к вершинам мудрости, к солнцу познания, то падает проливным дождем печали, или плодотворными слезами радости, орошая свою заждавшуюся созидательной силы пустыню души. Циркулируя между небом и землей, вода впитывает в себя их качества. Пронизанная лучами солнца, поднявшись высоко над земными просторами, она летит свободно в небесном пространстве, созерцая сверху долины, родную реку, из которой воспарила, леса, города и людей. **Также и душа способна устремляться к духу, к небесам познания, к солнцу истины, взлетая над самой собой, видеть сверху все то, что мешало, запутанные дорожки в лесу ограничений, глубокие ямы нравственных падений, ущелья уныния, пещеры пессимизма и лабиринты страстей.** Познав мудрость небес сознания, напитанная солнцем истины, душа благотворным дождем проливается в глубины самой себя, чтобы омыть все то, что она увидела сверху, очистить от непролазного хаоса валежника, завалившего дороги в лесу растущих чувств, освободить от диссонансов и напиться жаждущую ниву души плодотворными живительными силами – знаниями, принесенными сверху, с небес познания.

Вода принимает в себя все и несет в себе, омывая, сглаживая, очищая. Вода растворяет грязь, обтачивает острые углы камней и стекла. Вода – символ очищения сознания и души от теневых проявлений личности, символ сглаживания острых углов характера, ранящих эмоций.

Способность преодолевать препятствия, собирать, хранить и распределять знания

Вода пробивает себе дорогу сквозь темную толщу земли к свету, обладая удивительной силой. Так и душа человека сквозь любую тьму неведения способна пробиться к спасительному свету знания. Вода ищет саму себя, соединяет родники, объединяется в реки, устремляющиеся к единству с необъятным пространством моря. Также душа человеческая копит силы, начиная с ростков надежды, соединяющихся в реки веры, веры в истину, в осуществление, жаждущие объединения с океаном любви, океаном всеобъемлющего единства. Каждая река рождается в своем укромном месте, отражает свои уникальные только ей присущие берега, помнит только в ее водах происходящие события – купающихся детей, влюбленных, признающихся в любви, кровь, пролившуюся над ее потоком, корабли и ладьи, скользящие по ее волнам, песни летящие над ее зеркальной гладью... И каждая несет океану свою удивительную историю, и в его безграничных обнимающих водах эти истории шепчутся друг с другом, а потом, поднимаются легким паром ввысь, устремленные к солнцу, и летят в небесных просторах, чтобы пролиться на ожидающие поля, чтобы поведать им увлекательные истории, услышанные в океане от мно-

жества рек. Так постепенно вся земля узнает новости, произошедшие в разных ее уголках, и наполняется историей, драгоценным опытом.

Душа может быть подобна застоявшемуся болоту, затянувшемуся тиной инертности неведения, засасывающему в себя все живое – созидательное, стремящееся к развитию.

Душа может быть подобна горному водопаду кристально чистой воды освежающей мудрости, сметающей на своем пути любые «бревна» в глазах сознания и заторы диссонансов.

Способность впитывать истину и пропускать сквозь себя неискаженно

Вода может быть мутной и идеально прозрачной, как душа, замутненная негативными эмоциями, неспособными пропустить свет истины, и душа, открытая сияющим лучам познания, способная пропускать сквозь себя золотые потоки мудрости неискаженно.

Жизнедающая сила

Вода всему дает жизнь – растениям, животным, людям, и если она исчезает, земля превращается в бесплодную пустыню, все живое погибает. Вода – это кровь жизни, ее пульсирующая сила. Душа человека тоже способна дать силы тому миру, той вселенной, которую она вокруг себя создает, питать ее живительной влагой заботы, плодотворностью чувств.

Постоянное движение

Вода, даже находясь в видимом покое, постоянно движется. Гладь спокойного озера, застывшая вода в глубине колодца – их воды тоже непрестанно циркулируют, испаряясь, поднимаясь к небесам и возвращаясь на землю. Душа человека тоже находится в постоянном движении – то тянется к прекрасному, то падает во мрак хаоса. И так она постоянно мечется между небом и землей, то приближаясь к свету, то удаляясь от него.

Вода может быть паром, жидкостью и льдом. Душа также, согретая лучами знания, становится крылатой, простуженная холодом жестокости, заковывается в лед.

Родник – силы души, устремленные к совершенству, к реализации своего предназначения, преодолевающие любые препятствия, преодолевающие темноту неведения.

Река – силы множества родников – различных позитивных эмоциональных начал, объединенные в своем устремлении к развитию, плодотворному воплощению, непреодолимой силы влечения к единству истины.

Океан, море – единство различных сил души, действующих в гармонии друг с другом. Свобода души от ограничений, догм, иллюзий. Свобода проявления позитивных плодотворных качеств души. С другой стороны, океан может нести значение первозданных вод хаоса, где сознание может потеряться в его безбрежных водах, утонуть в бушующих волнах неосознанного, разбиться о скалы иллюзорного.

Озеро – умиротворенные спокойные воды души, гармония эмоциональной сферы, зачарованно вглядывающейся в небеса истины, отражающей ее всепримиряющий покой.

Облака – крылатые силы души, вознесенные в небеса духа, пронизанные и напоенные ласкающими потоками мудрости, танцующие в легких объятиях законника-ветра.

Дождь – созидательные эмоциональные силы, оплодотворенные идеями небесной сферы – сферы истины, стремящиеся пронизать накаленными стрелами мыслеформ и напоить струящимися потоками живительных чувств землю – сферу материи, действий, поступков.

Воздух

Воздушное пространство формирует среду жизни, дыхание жизни, ее ритм, пульс. Воздух наполняет наши легкие, вливая в тело кислород – законы окружающего мира, оживляющего нас созидательной пульсацией. Мы вдыхаем мир, вдыхаем его законы и выдыхаем вовне свой мир, свою вселенную – мыслей и чувств.

Воздух – пространство Бытия.

Воздух переносит потоки тепла и холода, в своем пространстве лелея облака, перераспределяя над землей живительную влагу. Воздух подобен крылатым мыслям, сменяющим друг друга, распределяющим плодотворные идеи для воплощения их в мире материи.

Силы воздуха – ветры, циркулирующие между небом и землей, перераспределяющие тепло и влагу по всей поверхности земли.

Воздух и его силы – ветры относятся к небесной сфере, поэтому соотнесем их со сферой мысли.

Четыре ветра – северный и южный, западный и восточный.

Ветер восточный несет в себе силы восходящего солнца, пробуждающейся жизни. Восточный ветер подобен мыслям, поднимающимся из лона сияющей мудрости, пробуждающим сознание к созидательной деятельности.

Западный ветер несет в себе силы заката, утомленного плодотворного дня. Ветер запада подобен созидательным процессам в сознании, мыслям, получившим завершение и воплощение и обращенным к лону покоя.

Южный ветер несет в себе пышущие жаром силы юга, палящий зной и расслабляющее терпкое дыхание лета. Ветер юга подобен активно работающей созидательной мысли и в то же время мысли, воспаленной страстным желанием, мысли, мчащейся неудержимо одна за другой в пламенном вихре, мысли, неспособной сосредоточиться в иссушающей пляске.

Северный ветер несет в себе холод, влагу и покой зимы. Ветер севера подобен мысли молчания, вынашивающей в тишине новых мыслей-коней, стремящих за собой колесницу сознания с горизонта востока к горизонту запада. Северный ветер подобен также застывшей мысли, окостеневшей в оковах догм и концепций, мысли, закованной в лед жестокости, летящей пургой замерзших осколков, ранящих все живое на своем пути.

В воздушной среде вода поднимается в небо и вновь опускается на землю. Так и мысли способны поднимать эмоции в небеса гармонии и проливать дождем их плодотворную силу там, где она требуется.

Воздух – это дыхание законов.

Воздух связан с дыханием, с ритмом вдоха-выдоха. Если рассматривать трехчленное деление мира и человека по вертикали, то голова соответствует сфере неба и духа, сфере мысли, сознания, а грудь человека соотносится со сферой чувств, эмоций. Образно говорят – в сердце скрывается страх и отвага, ненависть и любовь, чувства переполняют грудь, сердце готово разорваться от восторга или сжаться камнем от гнетущего страха, упасть в пятки при виде любимого, трепетать от нежности и т.д. Поэтому воздушную сферу можно соотнести и с мыслями и с эмоциями, с жизненным ритмом – способностью вдыхать из окружающего мира прекрасное, питаться им и выдыхать свое собственное вдохновение от впитанных законов окружающего мира. Вдохновение – новый вдох, новые чувства и мысли, вдыхаемые извне, из пространства жизни, вдох, дающий радость нового созидания, осуществления новых идей и состояний. Вдохновляться – значит впитывать извне прекрасное и способность воплотить это в свои собственные плоды, которые, в свою очередь, вдохновят кого-то на создание еще каких-либо плодотворных идей. Человек способен вдохновляться и передавать свое вдохновение другим. Это ритм развития и эволюции человека и человечества. Это дыхание гармонии

– способность взять от мира благо и претворив его в себе, отдать. Этот закон – взять и отдать, заложен в нас самой жизнью, ритмом дыхания. Мы не можем только вдыхать или только выдыхать, но только в цикличности вдоха и выдоха возможна жизнь. Так и человек в своей деятельности не может только брать от мира, или только отдавать – иначе иссякнут силы, устареет имеющееся знание, которое необходимо постоянно обновлять, чтобы не прекратился процесс эволюции.

Земля

Способность творить

Земля дает тело всем формам жизни на Земле. Все сотворено из ее праха и в прах же возвращается. Земля – мать всего живого, выпестовавшая жизнь в своем лоне и принимающая в лоно свое все формы, осуществившие себя.

Земля творит тело человека и дает ему возможность воплотить свои идеи, дает многообразие материалов для творчества. Даже если эти идеи не так материальны, как построенный дом, дворец, испеченный хлеб, сшитое платье, а возвышенны и крылаты, как музыка или живопись. И для звучания неуловимой, мгновенно исчезающей музыки необходимы смычок и резонирующий каркас скрипки, клавиши и струны, данные телом земли. И для картин земля дает всю палитру своих красок, рожденных ее недрами, язык говорящей кисти и из нитей, взращенных землей и солнцем, белый холст для сотворения нового бытия.

Земля – престол, на котором человек находит все ингредиенты, орудия и инструменты для воплощения своей уникальной вселенной, престол, на котором мысли человека обретают свою форму, свое воплощение.

Земля – это сфера деяний и поступков человека, сфера проявления его мыслей и чувств.

Сила трансформации, перерождения

Земля обладает удивительной способностью преображения. Она принимает в свое лоно все объекты, разлагает любой мусор, помещенный в ее утробу. И она перерождает погибшее – растения, тела животных и человека, превращая их в пищу для новой жизни. Преображает земля и мусор и то, что опасно для жизни, хотя для этого требуется гораздо больше сил и времени, но, в конце концов, даже то, что уничтожало жизнь, трансформируется и становится плодотворной почвой для новых рождений.

И человек, подобно земле, способен преобразовать в самом себе то, что уничтожает жизнь, гармонию, сеет хаос, перерождать в полях своей души, давая силу новым росткам созидания.

Сокровища, клады

В толще земли, в ее глубинах, гротах, пещерах таятся несметные сокровища – драгоценные камни и металлы, сапфиры и алмазы, золото и серебро. И в человеке таятся бесценные сокровища талантов и возможностей, в глубине его подсознания, в скрытых гротах его души, тайных ходах и пещерах сознания. Земля рождает сокровища, и человек рождает золото мудрости, алмазы воли, серебро интуиции, сердолики любви.

Лабиринт – множество путей, переплетенных, запутанных, ведущих в тупики. И лишь один из них способен вывести из хитросплетений лабиринта. Мрак лабиринта подобен мраку иллюзий, приводящих сознание в тупик, но среди множества блуждающих дорог, всегда есть одна выводящая из плена, всегда есть дорога к свободе.

Лабиринт – сознание, заблудившееся в иллюзиях. Здесь нельзя не вспомнить лабиринт Минотавра и спасительную нить Ариадны. Минотавр – человек с головой быка – символ агрессии, управляющей сознанием (см. о Тесее и Минотавре). Лабиринт Минотавра – это плен страстей, агрессии, животных инстинктов. Вывести из этого плена может свет разума и нить мудрости.

Горы – вершины земли, вознесенные в небо, блистающие в сиянии солнца. Горы – архетип устремления сознания к обелискам мудрости, к пикам познания, это торные дороги к совершенству, в небеса свободного полета мысли, неисчерпаемых пространств фантазии.

Пещеры – сокрытые под землей ограниченные пространства, лишённые света, скрывающие в себе нечто – либо сокровища, клады, либо драконов, химер, змей и скорпионов. Пещера

подобна потайной кладовке сознания и души, в которой при наличии факела знаний можно разглядеть либо мерцание драгоценных камней талантов, либо химер и чудовищ разума.

Погружение в землю, в зависимости от контекста, может означать либо погружение сознания в область материального, инволюцию, смерть разума, либо преобразование сознания, освобождение от иллюзорного, трансформацию и прорастание новыми побегами плодотворных мыслей.

Недостача или жажда познания и трансформации?

*Пытливости нашей нет конца: конец на том свете.
Удовлетворенность ума – признак его ограниченности или усталости.
Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом:
он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться
к недостижимому.*

Мишель Монтень. «Опыты»

Сказки начинаются с проблемы, которую нужно решить. Либо начало повествует о счастии, на фоне которого возникает беда и дальнейшее повествование показывает путь избавления. Пропп называет начальную ситуацию недостатчей. Главному герою чего-либо недостает – невесты, волшебного коня, яблок и др., в результате герой отправляется на поиски. «Эту недостатку, – пишет Пропп, – можно сравнить с нулем...»

Можно взглянуть на начальную ситуацию иначе. Сказка даже в своей изначальной ситуации содержит не недостатку, а потенцию к изменению. Содержит **пружину трансформации**, которая разворачивается таким образом, что герои и вся ситуация целиком преобразуются. Эту пружину можно сравнить с желанием цыпленка вылупиться из скорлупы. Разве ему чего-либо недостает? Он просто не может иначе, его скорлупа тесна для него, и ему просто необходимо ее разбить.

В начале повествования мы видим у героев не недостатку, а желание изменить свою жизнь, желание обрести возлюбленного или возлюбленную, обрести волшебные предметы. Т.е. желание обрести новые прекрасные качества своего сознания и души. Вступить в брак, т.е. воссоединить свою божественную природу, свою глубинную мудрость – Царевича с плодотворной созидательной сферой чувств – Царевной. В начале сказки мы видим жажду нового, необходимость преобразования. Эта жажда, понимание необходимости может исходить от старого царя, желающего поженить сыновей и выбрать себе преемника. Старый царь, как накопленный, но отживший опыт, посылает за жар-птицей – небесной мудростью, т.е. царь желает обновить свое сознание. Это желание может исходить от Царевича и от женского начала. Желание красной девицы аленького цветочка или перышка Финиста – устремленность души к мудрому Логосу.

Даже когда мы видим запрет и его нарушение, например, не открывать одну дверь – это желание познать, освободиться от неведения, пусть это повлечет тяжелые последствия, но в конечном итоге герой узнает, что за дверью и как с этой силой справиться. Если это Кощей – как от этой силы хаоса освободиться.

В начале сказки мы видим жажду познания и в конце – обретение этого драгоценного знания.

«Ничто великое в мире не совершалось без страстей» (Галилео Галилей).

Горизонтальное и вертикальное перемещение в сказке

«Объект поисков, – пишет Пропп, – находится «в другом», «ином» царстве. Это царство может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко, или глубоко по вертикали».

Действительно, путешествуя вверх по вертикали, герой летит в иное царство на коне, ковре-самолете, птице или же он взбирается по ветвям космического древа, попадая в новые миры и т.д. Конь, птица, ковер-самолет, летающие в небесной сфере, несут ее качества, т.е. это духовные начала, влекущие героя в небеса своего сознания. Это осознанный путь познания своей небесной божественной природы, познания объективной истины разлитой во всем мироздании, являющейся основой всего.

Когда герой погружается под землю через колодец, подземелье, пещеру или же попадает на дно морское, он обнаруживает там такой же мир – с небом, солнцем и землей. Это погружение в область подсознания, в глубины своего конкретного я, обнаружение в тайниках своего бытия чудовищ-иллюзий и драгоценного архетипического опыта, извлечение из подсознательных глубин бесценных талантов, неограниченных возможностей. Если путешествие вверх по вертикали – это осознанное постижение ступеней истины, сокрытой во всем окружающем мире, то погружение вниз – это познание своего дна и сокрытых плодотворных сил.

Путешествие по горизонтали в иное царство – это познание истины и внутри себя и во вне. Горизонт соединяет небо и землю.

Русские народные сказки

*«Как же мне, старицу
Старому, не плакать.
Как же мне, старому, не рыдать:
Потерял я книгу золотую
Во темном бору,
Уронил я ключ от церкви
В сине море».*
*Отвечает старицу Господь Бог:
«Ты не плачь, старец, не вздыхай,
Книгу новую я вытку звездами,
Золотой ключ волной выплесну».*
С. Есенин. «Ключи Марии»

Приводит народные слова Сергей Есенин в своем исследовании корней русской культуры, сетуя на то, что мы утратили символический язык «избяных заповедей», космогоническое, сакральное значение орнамента, одежды и утвари – всего созданного руками человека предметного мира, несущего сказания о вселенной и смысле бытия. И буквы, и складывающиеся из них слова – это тоже золотые ключи, открывающие врата церкви нашей души, храма нашего Бытия. Книга жизни, вытканная звездами, ветрами, волнами, цветами и травами всегда открыта перед нашим взором, и мудрый разум предков ушедших эпох отразил ее в символах архитектуры и орнамента, мифа и сказки.

«Современный человек, разделивший миропонимание на обыденный уровень, не выходящий за рамки бытовой ориентации в окружающем пространстве, и отвлеченно-научный, доступный далеко не каждому, с большим трудом способен понять, как мыслил древний человек. В его сознании не было такого разделения, и он, образно говоря, постоянно носил в своем представлении весь Космос, усматривая аналоги космологическим процессам в окружающем мире и согласовывая с ними свою собственную деятельность... И человеческое тело, и булыжник состоят из одних и тех же атомов и молекул. Разве это дает основание считать, что духовное богатство человека можно измерить, рассматривая химический состав его материального тела? Но ведь именно так и поступают формалисты по отношению к природе орнамента» (Л.М. Буткевич. «История орнамента»).

И не только по отношению к природе орнамента. Тело мифа и сказки сложено из букв, звуков и слов, как тело человека из молекул. Так где же тот золотой ключ, открывающий душу человека и душу сказки?

Любая вещь, созданная в древности, рассказывала языком символа мифы о сотворении мира и человека.

С самых истоков возникновения человечества люди стремились украсить предметы быта, вещи, которыми пользовались. Но это было отнюдь не просто стремление к красоте, это был способ осознания себя в пространстве окружающего мира. Орнамент, который изображался на камне или керамике, несет в себе символы, отображающие законы вселенной.

В сознании древнего человека любая созданная им вещь несла в себе смысл всего бытия, миф о сотворении мира, о цели и смысле жизни его самого в этой безграничной вселенной. Круги, кресты, ромбы, зигзаги, покрывающие глиняные горшки или деревянные изделия, отражали космос – солнце и круговращательное движение, стороны света, смену времен года, мифологическое отделение света от тьмы и т.д. Предметный мир, миф и сказка были неотделимы друг от друга, являясь наставлениями, духовной грамотой о способе гармоничного и счастливого бытия в этом мире. Линии орнамента, вышивка костюма, занавесок, полотенец,

резьба, покрывающая утварь и стены дома, архитектурные элементы избы, устное творчество – фольклор, сказка, миф – все это древняя молитва, письмена мудрости, напоминание о праведной и плодотворной жизни. Как писал Сергей Есенин, исследуя символику орнамента, русский человек, встав рано утром и умывшись водой, прикладывал к лицу полотенце с вышитым на нем древом жизни, напоминая себе, что в конце этого дня он, подобно этому мировому дереву, должен принести плоды своих рук и шишки своих дум.

Орнамент костюма и утвари любого древнего народа несет в себе космогонию, целый рассказ об окружающем мире и способе гармоничного бытия в нем.

Для того, чтобы уметь интерпретировать символы русских сказок, необходимо понимать значение всего предметного мира древних славян.

Так, познавая символику народного костюма, его космологический характер, его обереги-заповеди, становится понятным, какую рубаху сшила Царевна-лягушка царю. Применяя знания о трехчленном делении избы, можно прийти к выводу, что Емеля возлегает и путешествует на печи – сердце дома-храма. Опираясь на символику прялки, становится понятным значение волшебного клубочка и пряжи, серебряного донца и золотого веретенца и т.д.

В славянской культуре символ имеет понятие оберега. Символами украшали все, чем пользовались и где жили. Это «изба-храм», как называл ее Сергей Есенин, а ее обереги – «избяными заповедями». Конь на крыше, петухи и розетки на ставнях и фронтоне избы – символы солнца и его лучей. Матица – символ Млечного Пути, волнистые линии – воды и дождя, ромбы с точками – символы засеянного поля. Крыша является символом неба, сруб – мира земного с четырьмя сторонами света, подвал – мир подземный. Так изба отражала представления о мире, была целым необъятным космосом. Изба – человек. Крыша избы – голова, сруб – тело, печь – сердце, подпол – ноги.

Все предметы несут в себе рассказ о мире: вышитые полотенца и коромысла, сундуки, валики для стирки белья, прялки, костюм, постельное белье, занавески, дорожки тканых ковров.

Женский головной убор часто нес птичьи атрибуты – перья. Название кокошник от кокоши – птицы. Птицы – символ небесной сферы, оберегающей голову и соотносящей сознание с миром духовным. О символике кокошника говорится в памятнике письменности начала XII в.: «Якоже кокошь осенять птенца своа, крилома своима обымаючи, тако и Божиа сила всю обиать деу, и се есть, еже осенить тя» (*Е.В. Политковская. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVIII веках. М., 2005*). Таким образом, кокошник – символ небесной божественной силы, благословляющей, осеняющей деу.

«Прядение, или Подоить тучку»

Прялка отражала космогонические представления древних славян, где солнце, рождаясь из поднебесного высшего мира, согревает мир земной и совершает путешествие в мир загробный, замыкая круг. Кудель привязывали к вершине прялки, т.е. к миру небесному, и спускали оттуда нить, свивая ее символически из света, из небесной влаги.

Неотъемлемая часть костюма – пояс. Пояс служил оберегом, без него в некоторых губерниях даже спать не ложились. Пояс – символ солнечных лучей, поэтому он часто красного цвета, а также символ радуги, опоясавшей человека и оберегающей его от зла. Пояс отделял внутреннее от внешнего, познанное от непознанного пространства хаоса, был символом организации внутреннего мира человека.

Фигурка коня на ковше – символ солнца, таким образом, вода, помещенная в ковш, символически наделялась солнечными принципами.

Сундуки, наличники на окнах, валики для стирки белья и т.д. – все украшалось символами солнца, воды и земли, напоминая, как человек должен жить – по законам солнца, т.е. добра, истины, привнося в жизнь чистоту ума и души, отраженные в символах воды, и в конце каждого дня приносить прекрасные плоды своих рук. Таким образом, любая вещь была не просто произведением декоративно-прикладного искусства, но и несла в себе целую философию.

Изделия декоративно-прикладного искусства Древнего мира можно назвать молитвой и мудростью, запечатленными в трехмерной форме, несущей прикладное назначение. Если перевести язык древних на наш современный, то на каждой вещи окружающего нас мира – на мебели, посуде, одежде, на полу, оконных рамах, на домах, дорогах, машинах, витринах, – везде мы бы видели надписи: «помни о вечном», «стремись к мудрости», «будь справедливым», «люби и пробуждай любовь повсюду», «будь плодотворен», «стремись к чистоте души»...

«Вся наша жизнь есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками» (*Есенин С.* Быт и искусство. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1991).

Это стремление к гармоничному бытию в окружающем мире отражено не только символами предметного мира, но и заповедями мифа и волшебной сказки, выкристаллизовавшимися в течение тысячелетий мудрые наставления-законы.

Читая мифы и сказки, мы отождествляем себя с главными героями, особенно к этому склонны дети. Сказки дают молодому сознанию веру в безграничные возможности, способность преодолевать чудовищные трудности, напутствия к праведной жизни, непрерывное стремление к новым подвигам и открытиям.

После прочтения сказки или мифа задайте детям вопросы о том, где живет добро, а где зло, кто такой главный герой, прекрасная царевна и дракон – и вы увидите, как многолико высказывают из подсознания разбуженные этими вопросами древние архетипы, извечные символы, присущие каждому человеку.

Сказки говорят о нас самих и о нашей жизни. Но символы сказочно-мифологических миров в них зашифрованы – «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит, там, на неведомых дорожках следы невиданных зверей, избушка там, на курьих ножках стоит без окон, без дверей...» (А.С.Пушкин).

Это леший наших заблуждений на неизведанных дорожках поиска смысла в лесу познания, это русалка наших чувств, манящая погрузиться на дно души-психеи за жемчугами любви и перламутром одежд радости и боли, это избушка нашего сознания, мечтающего взлететь над обыденным...

В сказках пульсирующим ритмом бьются сценарии нашей жизни, где высшее начало – жар-птица, конь – разум, Кощей – пелена заблуждений, Василиса Прекрасная – душа...

Рассмотрим несколько русских сказок.

Царевна-лягушка

Мы все лишены цельности и скроены из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль. Настолько многообразно и пестро наше внутреннее строение, что в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других.
Мишель Монтень. «Опыты»

В начале повествования отсутствует женский принцип. Мы видим старого царя и трех сыновей. Царь символизирует старое инертное сознание.

Мария-Луиза фон Франц сравнивает царя с главной функцией сознания: «...царь олицетворяет главную, но отжившую функцию, а третий сын является носителем обновленной... Во многих первобытных общинах считалось, что процветание всей страны зависит от физического и душевного состояния здоровья короля, поэтому если он заболел или становился импотентом, то его убивали, а его место занимал тот, чье здоровье и потенция могли гарантировать народу воспроизведение потомства, плодovitость скота и процветание племени в целом. Вождь являет собой божественный принцип в видимой форме...»

Конфуцианство выдвинуло теорию «мандата Неба», согласно которой Небо наделяло правителя властью и отнимало власть, если император отдалялся от пути благочестия. Он являлся верховным священником всего человечества, защитником источников средств существования. Благосостояние страны и всего народа зависело от нравственной жизни императора. Если он нарушал законы порядка, Небо посылало знаки в виде землетрясений, наводнений, болезней. Таким образом порядок и гармония в сознании и жизни правителя формировали такую же организованную среду вокруг, во всей стране (*Джон Чиннери. «Сын Неба», «Китай. Земля небесного дракона»*)

Старый царь символизирует отжившее инертное сознание, требующее обновления.

В Древнем Египте фараон считался воплощением бога Хора, его супругой была вся земля египетская, о которой он должен был заботиться и оберегать. Фараон был посредником между миром богов и миром людей и выступал от лица божественных законов. Царь всей своей жизнью призван был творить и увеличивать Маат – истину и законопорядок мира. В Древнем

Египте существовал праздник Хеб-сед, символизирующий возрождение сил фараона, его символическую смерть и новое рождение, дающее ему дыхание вечной жизни, дающее ему новые силы.

Как пишет далее Мария-Луиза фон Франц, во всех этих разнообразных традициях мы видим один и тот же мотив – необходимость обновления для короля через смерть и возрождение.

В сказке «Царевна-лягушка» носителем обновления этого старого сознания служит Иван, а точнее – его жена, Царевна, ткущая новый ковер, пекущая чудесный хлеб и шьющая новую рубаху для царя-сознания – символы обновления. Как подробнее мы увидим далее, Царевна дает новую прекрасную пищу этому отжившему сознанию в виде хлеба, облачает в одежды новых мыслей и чувств и дает новое поле для творческих раздумий – ковер с целым царством.

Кто же тогда Царевна? «Если король – это символическое воплощение центрального и главенствующего содержания коллективного сознания, тогда королеву необходимо рассматривать как сопутствующий элемент, а именно эмоции, чувства, иррациональное дополнение к доминирующему содержанию... С образом королевы, которая сопровождает короля, будут связаны особенности эмоциональной атмосферы в обществе. Например, в Средние века правивший король был воплощением готической идеи Христа, а олицетворением Эроса выступала Дева Мария, Царица Небесная, по отношению к Царю – Христу. Дева Мария давала образец женского поведения, она олицетворяла образ анимы как для мужчин, так и для женщин». Таким образом, Мария-Луиза приходит к выводу, что если в сказке не хватает женского принципа, то это означает потерю связи со своим бессознательным, иррациональным, женским началом. «Такая ситуация может быть охарактеризована как положение, при котором коллективное сознание превращается в *застывшие и окаменевшие доктрины или формулы*».

Старшие братья обычно умные, а младший – дурак.

Но именно Иван-дурак становится героем сказки, несущим обновление. Почему?

Старшие сыновья часто показаны завистливыми, способными на убийство брата, ленивыми, они не любят далеко ходить и искать то, что просил царь. Иван же всегда выполняет поручение, смиряется со своей участью – нужно жениться на лягушке – женится, но когда его царевну похищает змей или Кощей, он идет за ней на край света, преодолевая все препятствия. Иван не обладает концептуальным умом старших братьев, всегда знающих, как правильно поступать, в этом контексте Ивана можно назвать учеником у жизни. А для того, чтобы быть постоянно открытым и готовым к познанию, нужно символически быть пустой чашей, чтобы это знание могло в нее влиться. В начале сказки Иван похож на малое дитя – может быть, в этом смысле его называют дурак, но в конце Иван часто преображается и становится красавцем – добрым молодцем. В некоторых сказках Иван лежит на печи и ничего не делает. Печь же в русской традиции – сердце дома, самое священное место семьи, которому поклонялись. «Сказав бы, да печь у хати!» – говорят малоросы, когда удерживаются от дурного слова (Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов».) Печь почитали, молились ей об исцелении, просили здоровья и счастья, богатства и благополучия, а также нравственной чистоты, просили преображения духовного. Афанасьев пишет о том, что плодородящая сила молний и дождей, сила небесного пламени перенесена на огонь вообще. «Огонь – божество, творящее урожаи... Огонь есть самая чистая = светлая и в этом смысле святая стихия, не терпящая ничего омрачающего... ничего злого и греховного». Очаг считался «святилищем всесовершенной чистоты». Обращаясь к его пламени, люди спрашивали не только богатства, но и чистоты сердца, умеренности, здравия душевного и телесного».

Иван, ничего не делающий на печи, находится в сердце дома, самом священном и преображающем, чистом месте. Это говорит о качествах Ивана, его внутренней духовной силе, «всесовершенной чистоте» его сердца. Этого не видно людям, и только дальнейший ход событий сказки показывает его поступками то, что сокрыто от глаз в начале повествования. Именно

сила печи – огня, преображающего хаос, помогает Ивану преодолеть все препятствия, выдержать все испытания сказки.

Возвращаясь к сказке «Царевна-лягушка», далее мы видим, как братья выпускают стрелы в поисках суженой. В других аналогичных сказках братья дуют на перо и идут за ним.

Стрела, по мнению Пикте, символизирует солнечный луч. «Славянское слово «стрела» стоит в родстве с ведическим *star*, латинским *Stella* – звезда... В древней России после первой брачной ночи сорочку молодой поднимали стрелой... первоначально обряд этот знаменовал солнечный луч, проходящий через тучи, что служило актом брачного соединения солнца и земли» (*Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов»*).

«Стрела в поле»

Перья – птичий атрибут. У славян птицы – символы и вестники небесной сферы, духовного мира. Братья идут вслед за пером, т.е. их ведет к суженой небесная сфера, духовное начало.

Старшие братья находят невест в боярском и купеческом домах.

Стрела или перо Ивана приводят его к болоту и суженой – лягушке.

Почему именно этот образ – лягушки и часто жабы фигурирует не только в русских, но и многих европейских сказках?

«В европейской культуре жаба всегда ассоциируется с матерью-землей, особое внимание уделяется ее способности помогать при родах. Жабу считали и продолжают считать до сих пор символом матки... жаба олицетворяет богиню, отождествленную с матерью-землей, которая обладает властью над жизнью и смертью: она может либо дать жизнь, либо отнять, действуя в соответствии с принципом любви. Зеленый цвет лягушки – это цвет произрастания и самой природы» (Мария-Луиза фон Франц).

Лягушка и жаба – символ перерождения, преобразующего начала.

Лягушка – земноводное, она способна жить и на земле, и под водой. Вода, как уже говорилось выше, – это символ души, эмоциональной сферы. Можно сказать, что лягушка – начало, способное нырнуть в глубины психеи, подсознательной жизни души, и снова подняться в сферу сознания. Царевна-лягушка заколдована, и ее нужно освободить от неких чар, чтобы она навсегда стала прекрасной девой. Таким образом, она символ трансформации неосознанного в осознанное, безобразного в прекрасное, вечно зеленеющее, цветущее.

Далее царь хочет посмотреть «которая из них лучше мастерица».

Стрелы, пущенные братьями, олицетворяют поиск солнечным лучом плодотворной почвы, для рождения нового. Стрелы олицетворяют стремление заключить небесный производительный брак.

Первое задание – сшить рубашку. Рубаха, сшитая женой старшего брата, пригодна только для черной избы. В рубашке, сшитой женой среднего, только в баню ходить. А рубашку, принесенную Иваном-царевичем, только по праздникам надевать.

Каким символом является рубашка? Одежда чего? Обращаемся снова к трехчленному делению человека по вертикали.

Обратимся к предметам, с помощью которых изготавливали нити для рубах – прялкам.

Прялка, веретено, лопасть прялки, донце прялки – все эти предметы небесного происхождения. Весной закликали весну, птиц небесных, для того чтобы они подарили девушкам и женщинам новые предметы для ткачества, для прядения и вышивки. Считалось, что эти предметы, подарки весны, подарки птиц – дары Небесной Сферы. Эти предметы богато орнаментировались и богато украшались. Прялка очень часто делится на три части, три регистра. Верхняя часть – мир небесный, духовный, по которому путешествует солнце. Все, что наверху, это солнышко, путешествие его по кругу, вечный бег времени, вечная циркуляция солнца на небесном своде. В среднем регистре изображают ромбы с точками – засеянное поле, заштрихованное поле – символ земли. Нижний регистр отражает путешествие солнца по подземному царству и мир загробный. Таким образом, мы видим то же членение прялки, что и деление дома, человека и вселенной. Т.е. прялка отражала космогонические представления славян, неся в себе образ целой вселенной. Соответственно, пряжу привязывали к верхней части прялки – к области небесного мира, Солнца и дождя, Небесной Сферы. И кудель, нить, спускали с Небесной Сферы, проводили ее на землю. Таким образом, нить являлась символом солнечных лучей и небесной влаги, нитей дождя. Соответственно, все, во что одевались древние славяне, это был солнечный свет, материализованный из небесной сферы, спущенной на землю, и живительная, оплодотворяющая вода дождя. Они облачали себя в солнечный свет, в чистоту и плодородие, во Вселенную.

Жена старшего брата сшила рубаху, которую только в черной избе носить. Т.е. сотворила мир темный, грязный, облачаться в такую вселенную мыслей и чувств царю не хочется.

Жена среднего брата сшила рубаху, в которой только в баню ходить. Т.е. мыть и мыть, чистить и чистить такой образ мира.

Царевна-лягушка сшила прекрасную рубаху, причем – на ней не было ни одного рубца и ни одного шва! И эту рубашку только по праздникам надевать! Вселенная, которую сотворила Царевна-лягушка, чиста и прекрасна. Облачение в такую одежду служило напоминанием о незыблемых законах вселенной, это и есть облачение в эти законы, в чистоту и красоту творящего мышления, мечтающего воображения, насыщенности чувств.

Второе задание – испечь хлеб.

«Обрядовое употребление хлеба в большие годовые праздники и при различных событиях жизни общественной и семейной, приводит к следующему: солнце, его теплотворные лучи сближаются, даже отождествляются с хлебом или тестом... В малорусской и белорусской каравайных песнях просят Бога сойти с неба и не становиться за дверями, а войти в избу, сесть в переднем углу и дать молодой долю. Господь нисходит на эти просьбы и даже сам месит каравай или только содействует его приготовлению своим божественным словом» (*Н.Ф. Сумцов*. «Символика славянских обрядов»). Хлеб, как символ солнца был священным. Хлеб был не только мерилем богатства и процветания семьи, но и «символизировал очищение и мир... приготовление не только обрядовой, но и повседневной пищи было, по сути, ритуалом: сырое, несъедобное, нечистое превращалось в вареное, съедобное, чистое» (*Ю.В. Мысько*. «Почитание печи у восточных славян»).

Испечь хлеб – значит создать нечто на земле, аналогичное солнцу – светлое, лучистое, плодотворное, истинное. Т.к. солнце в представлениях славян есть символ истины, добра, правды. Испечь хлеб – значит сотворить из несъедобного, неупорядоченного – упорядоченный праведный мир.

Жены старших братьев пекут такие «кули-мули», что царь сам даже пробовать не хочет, отсылает на кухню. Т.е. жены создали нечто неудобоваримое. Эта пища не несет истины, ничего не дает ни уму, ни сердцу. Каждый человек может, обратившись к своему внутрен-

нему солнцу – своей внутренней истине, создать нечто прекрасное для других и символически накормить этой солнечной плодотворной пищей.

Царевна-лягушка испекла «хлеб такой славный, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Изукрашен хлеб разными хитrostями, по бокам видны города царские и с заставами». Здесь мы видим, что хлеб несет в себе образ царства. Есть такой хлеб – праздник для царя. Царевна-лягушка, обладая способностью, о которой говорилось выше – нырнуть в глубины подсознательной жизни, извлекает на поверхность сознания прекрасные таланты, удивительные способности. Истина, запечатленная в испеченном ею хлебе-царстве, способна вдохновить других, принести добрые плоды. Она испекла духовную пищу, хлеб насущный. То есть внутри себя она взрастила духовный хлеб, которым можно накормить жаждущих. Не случайно в народе сложились поговорки: «Не всякая мука хлебом станет», «Кто хлеб сеет, тот сеет правду».

Третье задание царя – соткать ковер.

Сначала Царевна-лягушка изрезала различную ткань и разбросала ее по ветру. А потом эта ткань, кусочки собрались, но собрались с такой последовательностью, что отразили все государство, в котором жил этот царь. С луной и звездами, со всеми домами и жителями. И все это выглядело удивительно правдоподобно. В сказке так и говорится, как будто бы это было не стежками сделано, а все было живым. Нитями ей послужили травы и паутинки. Какой процесс здесь происходит? Что она творит? Что это за ковер? Это сотворение мира. Это аналог сотворения мира. Но внутри самого себя.

«Очень многие элементы в восточных ковровых орнаментах имеют отношение к религиозным представлениям: например, лампа символизирует озарение благодаря мудрости Аллаха, газель олицетворяет душу человека, страждущую в поисках Бога. Таким образом, на Востоке ковер – это не только символ матери-земли, но и внутренняя основа жизни в целом», – пишет Мария-Луиза фон Франц. Мария-Луиза приводит миф ферекидов о творении, в котором говорится о земле как об огромном льняном холсте с вытканными на нем узорами, расстеленном вокруг мирового дуба.

Восточный ковер символизировал своей формой и орнаментом плоскостную картину мира. Размещенные в центре круг в квадрате символизировали центр мироздания (А.М. Буткевич. История орнамента. М., 2008)

Каждый человек ткёт разноцветными нитями узоры собственного ковра жизни, где ниточки идут то вверх, то вниз, вправо и влево, как взлеты и падения жизни, правильный выбор и ошибки. Из этого многообразия двойственных переплетений образуется целостность ковра жизни.

Итак, эти три задания говорят о том, что каждый из нас ткёт свой ковер жизни, печёт свою истину или недопекает и шьёт облачение в одежды праведности или иллюзорности.

«В образе Царевны-лягушки отразились также мифологические представления о Творце. В вариантах сюжета героине присущи черты разных типов творцов: культурного героя, демиурга и творца, обладающего божественной природой. Подобно культурному герою, Царевна-лягушка добывает (достает, переносит) чудесные (идеальные) предметы из другого мира – из царства своего отца: «есть у отца моего сорока, что ни шва, ни стежка, как лица». В большинстве вариантов героиня выступает в ипостаси демиурга.... В «производственных процессах» участвуют силы природы («ветры буйные»), птицы (вороны; «все птички, все синички, все воробушки, все голубушки, все соколы» во главе с орлихой), животные (мыши, крысы) и персонажи, отмеченные признаками социально-сословного характера («мамушки, нянюшки, верные служанушки», по отношению к которым героиня выступает как организатор или волеизъявляющее существо. Божественное начало героини в вариантах передается через христианский мотив нерукотворности творения («не шито, не ткано, все равно как высажено» и/или христианскую терминологию («собрала все мушкетеры и крупинки и дунула своим духом – ну, так и

хлеб испекся», «она собрала нитинки и паутинки, собрала и дунула своим духом, вот и выткалось полотно» (Д. А. Баранов, Е. Л. Мадлевская. «Лягушка»).

Следующая просьба царя – прийти на бал вместе с женами. «Котора лучше пляшет?»

Царевна приезжает на пир ночью, в золотой карете, запряженной шестеркой лошадей. Ее прибытие сопровождает «великий стук, да гром – весь дворец затрясся».

Ночь – символ тайны, непознанности и первозданного хаоса, предшествующего бытию и сотворению света. Сначала не было ничего, только мрак и хаос. Далее во мраке возникает – свет. В сказке пирующие гости слышат гром и видят молнию на ночном небе. В этот момент входит Елена Прекрасная, внося во тьму свет, преображая ночь. Она на пиру ест и пьет. Но остатки того, что съела и выпила, выливает себе за рукава. Руки – это проявление воли, волеизъявление человека. В танце она взмахом рук творит. «Махнула правой рукой – стали леса и воды, махнула левой – стали летать разные птицы. Отплясала – ничего не стало». Тьма преобразается. Она выступает как Творец, создающий руками из материи, из разъединенных неорганизованных частиц целостное прекрасное творение. Царевна здесь выступает как явление космогонических сил природы. Золотая карета, стук и гром уподобляют ее молнии и грому. Творение мира в танце сопоставимо с танцующим Шивой, создающим вселенную каждым шагом.

Плодотворные молнии сопровождают царевну. Она пролила весенний животворный дождь среди пирующих гостей. Весенний плодотворный дождь – это символ чистоты и оживления нивы души, которая готова взрастить внутри себя семена.

В свадебных обрядах невеста уподоблялась небесным явлениям, сеяла красоту из рукава, как говорится в червонорусской песне. «Мифическим свойством отличаются также те малорусские и белорусские песни, в которых невеста «сыпет золото из рукавца». В объяснение этих песен можно указать на червонорусскую песню о девушке, сеющей из рукава красоту. Она сеет в утреннее время и при такой обстановке, которая наводит на мысль усмотреть в ней утреннюю зарю.

Пид дубровою,
Пид зеленою
Дрибна росонька впала;
Там Марусенька,
Там паннуненька
Красу разсевала,
Пришов до неї
Батенько:
«Що деешь, Марусенько?»
«То я дею,
Красеньку сею,
Из рукавця витрясаю».

(Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов»)

«Танец Царевны-лягушки»

Царевна на пиру ест и пьет, а из остатков еды в танце творит прекрасный мир. Так и каждый человек, познав что-то от мира – символически вкусив от мудрости жизни, испив из чаши вдохновения, может сделать это своей силой для сотворения новой действительности, нового мира.

«Танец»

Девушка здесь выступает как Солнце и Заря, которая сеет солнечные семена, засеивает вокруг себя мир созидательными плодами, семенами, из которых потом вырастет прекрасный сад.

Нужно уподобиться Солнцу – истине, чтобы вырастить этот сад, символически подняться в эту сферу.

Иван-царевич спешит домой и сжигает лягушечью кожу. «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного». Обернувшись белой лебедью и улетела в окно. Далее Иван отправляется на поиски любимой. Встреченный на дороге старичок рассказывает ему о том, что царевна «мудреней своего отца уродилась, он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушей быть».

Старичок, дающий знания о местопребывании царевны – символ мудрого опытного разума.

Итак, царевна заколдована своим отцом на три года. Отец завидует дочери, т.к. она мудрее его. Зависть и агрессия превращают ее в лягушку. Негативные качества подчиняют позитивное прекрасное начало. (В одной из версий сказки превращает царевну в лягушку не ее отец, а Кощей Бессмертный.) Кощей Бессмертный так же, как и Змей Горыныч, – символ хаоса, область зла и иллюзий. Хаос стремится подчинить себе позитивную плодотворную эмоциональную сферу – Царевну, облачив ее в кожу лягушки. Прекрасное доброе начало, мудрость души прячется в скользкие одежды, неприятную личину. Три года – это путь освобождения от власти хаоса и иллюзий на трех уровнях, трех регистрах человека – освобождении в мыслях, чувствах и поступках. Иван сжигает кожу. Это символ неведения. Царевич еще не знает, где находится царство зла, царство Кощея. Иван увидел прекрасное в своей лягушке, увидел и то, что она может творить необыкновенные вещи, и ему больше не хочется видеть ее лягушкой. Он хочет освободить ее от неприглядной кожи, не понимая, что сферу-кожу иллюзий можно сжечь, только зная, где и как они рождаются, зная корень хаоса, зная, как его подчинить, преобразовать.

На пути Ивану встречаются медведь, заяц и селезень, которых он хочет убить, но по их просьбе щадит. Щуку, выплеснутую на берег, пускает в море. В дальнейшем ходе повествования эти животные становятся его друзьями.

Рассмотрим архетипические значения этих животных.

Медведь. Это архетип физической силы и мощи. Поэтому соотнесем медведя со сферой поступков героя, его собственной силы.

Заяц. Архетип быстроты передвижения. В русской традиции наделен эпитетом – побегачик. Он постоянно прячется от преследователей, убегает. Его также называют зайчишка-трусишка. Также и эмоции быстро сменяют одна другую. Страх тоже обитает в эмоциональной сфере. Поэтому зайца соотнесем со сферой анимы, областью быстроты реакций в сфере чувств.

Селезень. Птицы в русской традиции соотносятся с небесной духовной сферой. Небесная сфера, крыша дома и голова человека тождественны в русских представлениях.

Селезень – это возвышенные крылатые мысли героя, ставшие его друзьями.

Щука – обительница водной стихии. Вода как уже говорилось, символ эмоций. Щука – существо подсознательной сферы чувств, извлекающее необходимое на поверхность, в область сознания.

Иван встречается с Бабой Ягой (см. «Баба Яга»). Он прибегает к мудрой психее, опытной эмоциональной сфере, чтобы получить необходимые знания для победы над царством собственного хаоса. Иван приходит в сферу трансформации и посвящения. Из неопытного Иванушки-дурачка он преобразуется в знающего и сильного этим знанием героя. В царстве смерти, которым повелевает Баба Яга, но не физической смерти, а символической, умирает неразумная невежественная природа Ивана. Яга выпарила Царевича в бане. То есть прежде чем получить знания, необходимо очиститься, освободиться от оков неведения. А далее вкушать пищу Яги – пищу опыта и мудрости.

Баба Яга рассказывает, где суженая Ивана и как победить Кощея. «Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей, как свой глаз, бережет».

Кощея невозможно победить в бою. На то он и Бессмертный. Кощей – проявление хаоса. Сражаться с хаосом в самом себе, не зная что это такое и где его корень, – бессмысленно, таким образом можно только увеличить хаос. Только лишь узнав, где скрыта его смерть, в чем причина иллюзий и заблуждений и сумев до нее добраться, можно уничтожить своего внутреннего Кощея.

Смерть Кощея в яйце, где вместо обычных желтка и белка, дарующих жизнь, сразу за скорлупой находится игла. Яйцо – универсальный символ триединства мира. Желток – зародыш, символ идеи, лежащей в основе всякой вещи. Белок – символ энергии, вещь оживляющей.

Скорлупа – символ материи. Поэтому многие мифы разных народов повествуют о происхождении мира и жизни из яйца. Яйцо Кощея не несет в себе жизни.

В материи-скорлупе нет ни идеи, ни энергии, а лишь нечто, приносящее боль – игла. Все, в чем нет прекрасной идеи, – иллюзорно.

Это яйцо иллюзий сокрыто в утке. Если селезень Ивана – это позитивные мысли, то утка, несущая яйцо хаоса, – негативные мысли.

Утка скрыта в зайце. Если заяц Ивана – его быстрые позитивные реакции, позитивные эмоции, то заяц, несущий утку хаоса, – это негативные эмоции.

Заяц в сундуке. Сундук – вместилище и хранилище иллюзорных идей и желаний – символ материальной основы для них.

Сундук либо стоит, либо висит на высоком дубе. Древо во многих культурах символ мира, космоса. «Тайна неисчерпаемого проявления Жизни связана с ритмическим обновлением Космоса... Космос воображается в виде гигантского дерева: способ существования Космоса, и в первую очередь его способность к бесконечному возрождению, символически уподобляется жизни дерева... Образ дерева избран не только как символ Космоса, но и как способ выражения жизни, молодости, бессмертия, мудрости и знаний. Наряду с Космическими деревьями, такими, как Игдрасиль в германской мифологии, истории религии известны Деревья Жизни (например, в Месопотамии), Бессмертия (Азия, Ветхий Завет), Мудрости (Ветхий Завет), Молодости (Месопотамия, Индия, Иран) и т.п.» (*Мирча Элиаде*. «Миф о вечном возвращении»).

Древо праведности у литовцев. Мировое древо греков, от которого произошел человеческий род. «Вергилий упоминает об ясени, которая достигает корнями тартара, и насколько глубоко идут ее корни в землю, настолько же в высоту простираются ветви среди просторного неба» (*А.Н. Афанасьев*. «Поэтические воззрения славян на природу»).

В данном случае древо Кощея – мир иллюзий, которые крепки, как дуб. Никто не любит расставаться со своими иллюзиями и крепко держится за них, стойко отстаивает, т.к. отказ от них приводит к крушению этого древа – крушению мира, а это приносит сильную боль. Признать свой крепкий высокий дуб миром теней, найти своих ускользающих зайцев и уток, несущих яйцо, рожающее заблуждения, и преломить иглу иллюзорности – причиняет величайшую боль.

Смерть Кощея сокрыта несколькими покровами, аналогичный сюжет сокрытия встречается в сказке Древнего Египта «Сатни-Хемуас и мумии», где главный герой ищет тайную книгу, в которой сокрыты божественные знания, освободив которые можно навлечь на землю несчастья.

«Тогда жрец сказал Ноферка-Птаху:

– Книга, о которой я говорил, покоится посреди Нила близ Коптоса. Там лежит на дне железный сундук. В железном сундуке лежит сундук бронзовый. В бронзовом сундуке лежит сундук из дерева лавра. В сундуке из дерева лавра лежит ларец из эбенового дерева и слоно-

вой кости. В ларце из эбенового дерева и слоновой кости лежит серебряный ларец. В серебряном ларце лежит золотой ларчик. А в том золотом ларчике хранится книга, о которой я говорил. Скорпионы и змеи окружают то место кольцом длиною в двенадцать тысяч локтей. А вокруг сундука обвился бессмертный змей» (Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956).

Книга тайных знаний, уподобляющая человека богам, сокрыта водами реки и шестью сундуками. Книга, сокрытая шестью сундуками, являет собой цифру семь – священное число в египетской традиции. «Одним из самых важных, в символическом смысле, чисел было семь. Оно заключало в себе сумму значений 3 и 4, а также ассоциировалось с совершенством, действительностью и бесконечным множеством. Число 7 тесно связано с миром богов: так, согласно некоторым текстам, у солнечного Ра имеется семь ба, а Хатхор вообще может принимать семичастную форму. Семь великих божеств почитались в семи святилищах храма Сети I в Абидосе; во время ритуала возрождения Осириса его подобие хранилось семь дней, прежде чем быть погребенным, в знак памяти о том, что великий бог семь дней пребывал в чреве своей матери Нут, прежде чем родиться на свет» (В.В. Солкин. Египет: вселенная фараонов. М., «Алетейя» – «Новый Акрополь», 2001).

Нут – богиня неба, часто изображалась на дне саркофагов, таким образом мумия попадала в объятия неба. Книга Тота подобна мумии на дне саркофагов – нескольких ларцов. Книга подобна Осирису, рождающемуся из чрева Нут. Чтобы добраться до книги, нужно открыть шесть сундуков-ларцов и лишь тогда можно соединиться со знанием, заключенным в этой книге, другими словами – попасть в лоно небес – богини Нут и обитель богов, узнав подлинный облик вещей.

Змеи и скорпионы окружают сундук кольцом длиною в двенадцать тысяч локтей. «... 12 связывалось с часами дня и ночи, через которые течет мимо нас бесконечность времени» (В.В. Солкин. «Египет: вселенная фараонов»).

Кольцо змеино-скорпионье, охраняющее тайную книгу знаний, – это тайны всех часов дней и ночей, под покровами которых скрывается это знание.

Древнегреческий миф о Геракле рассказывает о яблоках вечной молодости, которые сторожит стоглавый дракон, не подпускающий никого к дереву бессмертия. В египетской сказке божественную книгу окружают змеи, скорпионы и бессмертный змей. Здесь прослеживаются аналогии с Кошеем Бессмертным. Сундуки, вложенные один в другой, также напоминают сундук, хранящий смерть Кошея. Диаметрально противоположно лишь содержимое сундуков. В русской сказке сундук хранит корень зла, а в египетской – мудрость, законы вселенной. Аналогичны ступени сокрытия. Чтобы убить Кошея Бессмертного, нужно свалить дуб, на котором висит сундук, открыть крышку, поймать селезня и зайца, достать яйцо, разбить и преломить иглу – источник заблуждений.

Свалить дуб, несущий смерть Кошея – значит разрушить мир иллюзий. Дерево – образ космоса и человека, образ вселенной. Дуб Кошея – символ вселенной заблуждений, которую главный герой разрушает, освобождая себя от власти иллюзий и хаоса. В египетской сказке цель главного героя – найти и присвоить себе знание, но он не готов обладать этим знанием, поэтому извлеченная из-под покровов тайн книга несет разрушение до тех пор, пока не скрывается от людей в гробнице.

В русской сказке Ивана приводит к дубу волшебный клубочек, данный Ягой.

Как уже говорилось выше, смотанная в клубочек нить – это небесная влага и небесный свет – мудрость, которая приводит героя к месту, где рождаются иллюзии, к корню заблуждений (см. Баба Яга о волшебном клубочке).

Медведь выворачивает дуб с корнем. Позитивные поступки Ивана, его праведная сила, олицетворенная медведем, выкорчевывает мир иллюзий с корнем.

Позитивные чувства Ивана ловят негативные – заяц Ивана догнал и в клочки разорвал зайца Кошея.

Позитивные мысли Царевича догоняют и уничтожают негативные – селезень ловит утку.

Яйцо падает в море. Хаос хочет затаиться на дне подсознания, чтобы вновь всплыть потом на поверхность. Бросив в море задышающуюся щуку, Иван спас деятельное бдительное начало, живущее в подсознании, приносящее драгоценности и таланты, таящиеся в нем (как мы увидим в сказке о Емеле), поднимающее со дна зародыш хаоса – яйцо Кощея.

Из пучин, глубин подсознания Иван извлекает это яйцо и ломает иглу заблуждений. Кощей погибает.

Иван-царевич освобождает свою суженую-психею от власти иллюзий и возвращается с ней домой.

Сказка заканчивается воссоединением любящих.

Сказка говорит о воссоединении Царевны-лягушки – преображенной души с логосом – Иваном, прошедшим свой путь Познания и освободившимся от мрака хаоса. Сказка об обнаружении внутри себя макрокосмоса, осознание себя Творцом своей собственной Вселенной. «Царевна-лягушка» повествует не об абстрактном герое Иване, а о каждом из нас, наших заблуждениях, способе от них освободиться и жить в гармонии со своей Царевной – преображенными чувствами.

В начале сказки мы видим царя и трех сыновей. В данном случае недостает женского начала, за которым и отправляются братья. Но душа-психея может быть разной – возвышенной и приземленной, волшебной и заколдованной и просто зафиксированной на материальном мире. Заколдованная царевна – это сфера души, нуждающаяся в исцелении от определенных искажений, но таящая в себе волшебные преображающие силы, ведущие в итоге к трансформации. Душа-психея двух старших братьев нуждается в исцелении еще более, чем психея Ивана. Но те, кто не видит своих искажений, не осознает заколдованности и неведения своего сознания, поэтому не стремятся что-либо изменить. Только поняв, что душа нуждается в преображении и освобождении, умея видеть в ней творящую чудеса волшебницу, появляется желание освободиться от кожи заблуждений.

Большинство сказок заканчиваются свадьбой главных героев.

Чтобы лучше понять, что такое свадьба в русских сказках, обратимся к символике брака в русской традиции.

Символика брака

«В отдаленный доисторический период народного развития, с зарождением личного брака как определенной формы соединения двух полов черты брака человеческого были перенесены на небо.

Мысль древнего человека небесное и земное переплела нераздельно; события человеческой жизни она перенесла в воздушные сферы; небесными явлениями она украшала скромное человеческое существование; солнечными лучами обливала новобрачную и сделала ее также лучезарной и священной, как само солнце, цветами радуги опоясала стан девушки и рассыпала плодотворные молнии, пролила весенний животворный дождь среди пирующих свадебных гостей. Солнце, Луна, звезды, земля и молния стали принимать деятельное участие в судьбе человека.

Перенесение брачных свойств светил небесных на человеческий брак сделало последнее таинством» (Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов»).

Славяне считали: если два человека вступают в брак, значит, так было заранее предначинено в небесной книге. Поэтому они возлюбленного, жениха или невесту, называли – суженый или суженая. То есть – сужденный небесами, посланный небесным божественным миром.

«Плодотворяющая сила солнечных лучей, – пишет Афанасьев, – и дождевых ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, деревья и дает пищу человеку и животным. Это естественное и для всех наглядное явление послужило источником древнейшего мифа о брачном союзе Неба и Земли, причем Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле – воспринимающий, женский. Летнее Небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несет плоды...»

В Египте, например, это божественная пара Геб и Нут. В Китае тоже считается, что небо и земля – это мужчина и женщина. Земля – женщина. Небо – мужчина. В Египте наоборот. Геб – бог-мужчина – это земля, а Нут, богиня-женщина, – небо. Но так или иначе – это небесный божественный брак. «В древних индусских свадебных изречениях жених говорит, обращаясь к невесте: «Я – небо, ты – земля! Соединимся и будем родить детей». В другом месте: «Подобно тому, как земля принимает в себя зародыши предметов, приймешь и ты (жена) от меня (мужа) зародыш».

В Древней Греции земля и небо также были супругами: Уран – небо и Гея – земля.

У славян земля и небо – верховная супружеская пара.

Небо действует как мужская оплодотворяющая сила, уподобляемая плотскому семени. Солнечные лучи и дождь уподобляются мужскому семени. В великорусской песне Курской губернии небесные светила устраивают судьбу девушки-невесты:

Что не батюшка выдает,
Что не матушка снаряжает,
Что не братцы в поезде,
Не сестрицы в свашеньках.
Выдает светел Месяц,
Снаряжает красное солнце,
Частые звезды во поезде,
Вечерняя заря в свашеньках.

То есть сватами выступают небо и небесные светила, которые совершают этот брак, и таинство этого брака. В небесном браке жениха и невесты принимали участие все светила

небесные. Вращение в золотой одежде вокруг невесты, дома, деревни – все это различные символы одного и того же небесного явления, вращения небесных светил около солнца. (Сумцов).

Также известны небесные браки солнца и земли, месяца и солнца, месяца со звездой, брак утренней зари с возлюбленным солнцем.

Свадьба являлась мистическим обрядом, где все участвующие отождествлялись со светилами. Жених и невеста также отождествлялись с солнцем, месяцем, землей, звездой или зарей.

«Мысль о том, что браки, совершающиеся на земле, представляют подобие супружеских сочетаний божественных существ, повела к низведению небесной брачной обстановки на землю... В свадебных песнях Угорской Руси стена начинает светить, когда около нее садится жених или невеста:

Ой, где Иванко сидит,
Там ся стеночка светит,
А где Марийка сидит,
Коло ней ся яснит.

В свадебной песне Тульской губернии невеста осветила весь двор, когда по нему прошла».

Невеста и жених преображают мир вокруг себя, несут всему процветание.

«В белорусских песнях, когда жених едет по лугам, луга зеленеют; вблизи сада – сад расцветает. В свадебной песне Костромской губернии во время поезда невесты цветы расцвели» (Сумцов).

Свадебное копыто

*Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз.
Омар Хайям*

«Свадебное кольцо – символ солнца, брачного соединения солнца с месяцем или землей и, наконец, символ человеческого брака» (Сумцов).

Кольцо, так же, как и венок и пояс, представляет собой замкнутый круг, форма которого считалась священной, несущей сакральное значение.

«**Круг** в самом общем аспекте был в древнейшей культуре воплощением представлений о важнейших, основополагающих качествах: абсолютное равенство, прямота, единообразие, бесконечность, вечность, круговорот бытия. Сюда входили и морально-эстетические аспекты – добро, красота и проч. Круг ассоциировался с понятием небесного совершенства – Бог, Небо, Космос, Солнце, луна, звезда, планета и проч.» (См.: Гроссе Э.О. происхождении искусства. М., 1899; Гишин А.С. Происхождение искусства. М. – Л., 1937; Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986).

«Понятие «святости» и вместе с тем «чистоты», «белизны», – пишет, в частности, В.И.Равдоникас, – в первобытном сознании увязывается, как показали лингвистические исследования Н.Я. Марра, с «небом» и его долевыми проявлениями или «воплощениями» в «солнце», «луне», «звездах». Отсюда изобразительная символика святости, божественности, т.е. сопричастности божеству: круг, образ неба или солнца, луна, долевым признаком неба, имеющий многообразные формы осмысления, их производные – круги с линиями, изображающими лучи солнца...» (Равдоникас В.И. История первобытного общества. Т. 2. Л., 1939 – 1947).

«...круг был одновременно и Небо и Солнце, и луна, и звезда, и колесо (возникшее как материальное воплощение идеи движения Солнца, Космоса), и цветок, и кусающая себя за хвост змея – уроборус (А.М. Буткевич. История орнамента. М., 2008).

Змея, поймавшая свой хвост, – это цикличность времени, сменяющего по кругу времена года, это круговращательное движение солнца и звезд и планет. В любом случае – это упорядоченное организованное движение. Круг – замкнутая линия – отражение этого порядка, гармонии, организации.

Обручальные кольца – символ завета между небом, между духом, идеями человека, и между землей – материей, сферой действий и поступков. Кольцо обручает «небо» мужчины и женщины с «землей» мужчины и женщины, т.е. дух мужчины и женщины и плоть их. Кольца носят на наших руках. Руки соединяют наше небо – духовное начало, разум, мысли, идеи с нашей землей – материальной сферой, областью действий, поступков. Если рассматривать символическое трехчленное деление человека по вертикали, руки помещаются в центре, между головой – сферой духа и ногами – сферой материи, инстинктивной природой, наиболее материальной. Руки, поднимаясь вверх, выше головы, проникают в небесную сферу – мудрости и истины. Руки могут опускаться вниз на уровень бедер, соответствующих земной материальной природе. Руки объединяют все три начала человека – дух, душу и тело.

Кольца новобрачных носят на руках как символ завета между небом и землей, между духом и материей. Руки – проводники этого завета. Рука одновременно воплощает нашу волю. Кольцо, замкнутый круг – символ замыкания хаоса, организации, плодотворности. А золото – символ истины.

Золотое кольцо, одетое на палец, – это символ идей, которые проходят через наши руки, организованных, плодотворных, истинных.

Следовательно, обручается все, что рожают новобрачные – не только дети физические. Обручение золотыми кольцами говорит о том, что любые плоды должны быть прекрасными, истинными, плодотворными.

Например, в Белоруссии кольца укладывались в платок, и этот платок поднимался выше их головы. Считалось, что произошел обряд освящения колец жениха и невесты. Белизна платка – символ чистоты души, которая объемлет золотые кольца – истину в себе. Платок нужно поднять наверх, т.е. душу символически нужно поднять вверх – выше головы – в область духа, для того чтобы в этой сфере ее обожествить. И только потом новобрачные могут надеть эти кольца на руки, уже освященные, осененные небесами.

Богатство свадебной одежды и украшений, с одной стороны, признак достатка. А с другой – это мифический символ. Молодые одеты в богатые, драгоценные одежды, отождествляющие их со светилами. Брачные одежды несли целебное значение и бережно сохранялись после свадьбы. Эти роскошные одежды призваны были отождествить жениха и невесту с некими божественными качествами.

Этому мы можем видеть пример в южносибирской свадебной песне о невесте:

Крыла леса алым бархатом,
По пути катила крупным жемчугом,
Прикатила на крутой бережок,
Стала на бел-горюч камешок...

(Сумцов)

Невеста «кроет леса алым бархатом». Чему уподобляется здесь невеста? С чем соотносится? С зарей. Она освещает мир подобно восходящему солнцу. Солнце восходит, все силы пробуждаются. Она выступает как пробуждающее начало всего живого. Она покрывает мир розовым светом первых лучей.

«По пути катила крупным жемчугом».

Жемчуг – символ чистоты души. Жемчуг рождается в глубинах вод, в створках раковины. Вода символ анимы, души, психеи. Раковина, сокрытая на дне подсознания, – символ сокрытых драгоценностей души. Символических контекстов может быть много. В то же время жемчужина не может жить без раковины, как наша душа имеет опору в своем теле.

Из чего и как образуется жемчуг? Песчинка, попадая в раковину, постепенно, жизнью существа внутри ракушки превращается в драгоценность. Что в человеке аналог песчинки? Можно сказать – песчинки сознания, которые постоянно мельтешат, вертятся, закрывая от нас свет истины. Но, когда они оседают на дно души, в результате кропотливой работы эти иллюзорные начала могут трансформироваться в драгоценный опыт жемчужного ожерелья мудрости.

Каждая наша песчинка, все, что крутится в нашей душе и мешает нам посмотреть на вещи ясно, постепенно может стать жемчугом. Это трансформация. Жемчуг – символ трансформации.

Невеста «по пути катила крупным жемчугом». Т.е. она не только в себе выпестовала драгоценный опыт, но может «покатить» россыпь мудрости и красоты вокруг себя, подарить миру.

Следующее – «прикатила на крутой бережок, стала на бел-горюч камешек». Белый цвет камня – символ чистоты. В славянской традиции «бел-горюч камень» – это символ центра мира, аналог оси мироздания.

Невеста часто уподобляется солнцу. В червонорусской песне невеста сеет из рукава красоту. «Она сеет в утреннее время и при такой обстановке, которая наводит на мысль усмотреть в ней утреннюю зарю.

Пид дубровою,
Пид зеленою
Дрибна росонька впала;
Там Марусенька,
Там пануненька
Красу разсевала,
Пришов до неи
Батенько:
«Ще деешь, Марусенько?»
«То я дею —
Красеньку сею,
Из рукавця витрясаю!»

Невеста, сеющая вокруг себя красоту – символ проведения руками идей небесной сферы, мудрости в материю, воплощение этих идей. Это символ обожествленной красоты, прошедшей через нашу душу, которую мы познали и теперь способны вокруг себя рассеять, засеять, воплотить в жизнь.

Венок

Венок сплетен из трав и цветов в форме круга. Венок – цветущий круг, который одевают на чело человека. По словам Гильдебранда, «венки у древних были: 1) символом изобилия, радости, 2) символом почета и 3) символом победы. Помимо всех этих важнейший символ – свадебный венок». «Венок, достояние языческого мирозерцания, был принят христианскою церковью для бракосочетаний в конце третьего века» (Сумцов). Практически у всех славянских народов используется венок.

Цветы – это красота, пролившаяся с неба. Венок – переплетенные цветы, замкнутые в круг и возложенные на голову. Вспомним Снегурочку Островского. Снегурочка не знает любви, она дочь Мороза и Весны. Но горячее трепетное чувство любви ей чуждо. Она обращается к своей матери, Весне, с просьбой даровать ей любовь, способность пламенеть от счастья. Весна дарит ей венок из цветов. Как только Снегурочка увенчивает свое чело венком, в ее сердце возникает новое, преображающее мир вокруг, чувство.

Венок из цветов – красота и гармония, осеняющие чело, наделяя разум мыслями о прекрасном и плодотворном.

Венки завивали на Троицын день. Венок на Ивана Купалу бросали в воду и по тому, как он поплывет предсказывали судьбу. «В Калужской губернии было обыкновение, что парень, задумавший жениться, должен был вытащить из реки брошенный туда нарочно венок и передать этот венок своей возлюбленной. Вытащивши, он мог свататься» (Сумцов).

Что есть **круг**? Линия не имеющая ни начала ни конца, поэтому круг символ вечности, бесконечности. В отличие от произвольно ломаной линии – символа хаоса, неупорядоченности, круг – организованная линия, символ порядка, гармонии. Неслучайно круг в народных представлениях – символ огражденности от зла, хаоса, болезней.

Венок – символ организации хаоса красотой – линия, замкнутая в круг цветами. Таким образом, жених, достающий венок из реки, стремится соединиться с невестой в гармонии красоты.

Символ венка – это символ Солнца. «Свадебный венок в древнейшее время знаменовал солнце или светозарный нимб, его окружающий» (Сумцов).

Отождествление венка с солнцем, а солнца с истиной и мировым разумом (см. «Солнце») позволяет сделать вывод, что возложение венка на голову означает увенчание чела, разума, логоса человека истиной и красотой. Венок – духовное начало, материализованное в цветах и объединенное кругом, – во время обрядов кидают в реку, а вода реки – символ души. Река – символ движения, постоянного течения жизни. Вечная жизнь душевного в нас. Девушки кидают венок свой в воду текущую, бегущую, струящуюся. Происходит объединение душевного и духовного красотой – цветами, образующими вечность – линию, замкнутую в круг. Вода и венок – наша душа и дух, организация эмоциональной сферы. Это организация того, что есть внутри души, тех чувств, которые движутся подобно течению реки внутри нашей психеи. Это наша душа, увенчанная цветами.

В Сербии при появлении сватов невеста смотрит на них через венок, сплетенный из васильков и богородичной травы. В Великой России девушки вьют венки в день Сошествия Св. Духа, целуются через них, бросают в реку и по их положению гадают о будущем (Сумцов).

Посмотреть на сватов и на своего суженого через венок – значит увидеть в них истину и красоту.

Поцеловаться через венок – значит прикоснуться к истине и красоте друг друга.

Также существовал обряд поклонения невесты своему собственному венку. Зачем кланяться венку? Если венок – это символ солнца, символ духовной природы человека, то поклониться венку – значит, поклониться истине, своей собственной духовной природе.

«В малорусских и белорусских свадебных песнях находятся указания, что девушки, свивши венок, катили его по столу. Обыкновенно это служит символическим выражением движения обоготворенного светила, покровительствующего браку, в небесных пространствах». В чешском народном рассказе венок отождествляется с пламенем и золотом. В Угорской Руси венок произошел из цветов и трав, которые солнце окропило каплями морской воды (Сумцов).

Итак, венок имеет небесное происхождение, отождествляется с солнцем и осеняет чело одевшего венок красотой истины.

«В белорусских и великорусских песнях венок имеет другое, еще более чудесное происхождение: летела павы размашистая, посыпала перья золотистые; перья эти собрала красивая девушка и отнесла их к золотым дел мастерам. Мастера выковали ей из перьев жемчужный венец для венчания, медный кубок для свадебного угощения, золотой перстень для обручения и кованный пояс...» (Сумцов).

Золотые перья павы – крылья истины. Крылатые идеи небесной сферы собрала невеста. Из этих перьев истины она получила жемчужный венец – увенчала свой разум красотой истины и преобразующей силой чистоты (см. жемчуг). Жемчуг символ трансформации, преображения души.

А также из этих перьев ей выковали *медный кубок* – символ приемлющей души. Кубок и чаша, способные вместить в себя жидкость, уподобляются душе, вмещающей различные чувства, эмоции.

Золотой перстень – символ воли, обожествленной воли человека.

Пояс

Кованный пояс, окружающий стан человека – организованные силы души и инстинктивной природы человека. «Пояс мог даже служить средством утешения и облегчения тоски и душевного дискомфорта. Вот такая сохранилась нехитрая рекомендация: «Когда заберут худыя мысли, опояшься ты хорошим шелковым поясом, отпадут от тебя худыя думы, мысли» (Е.В. Политковская. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVIII веках. М., 2005).

Пояс обхватывает тело посередине, на уровне пуповины, символизирующей центр человека. Согласно трехчленному делению человека по вертикали, пояс находится между душевным и телесным миром и таким образом символически организует верх и низ человека, сферу мыслей, эмоций и сферу физических инстинктов.

«Охранительная функция пояса обусловлена самой его формой. Это своеобразный круг, который разделяет пространство на два мира: внешний и внутренний. Внешний мир с тающимися там злыми силами и опасностями – это все, что вокруг человека. Мир внутренний – сам человек. Пояс-круг, пояс-граница не пропускает ничего из мира внешнего, что могло бы повредить человеку» (Е.В. Политковская. «Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVIII веках»).

«В России крестьяне к поясу относятся с суеверным уважением. В Западной России селяне считают грехом обедать без пояса. У болгар жених и невеста держатся за один и тот же пояс. В Белой России на невесту из-за стола выбрасывают пояс. В Малой и Белой России молодая всех присутствующих одаривает небольшими поясами красного цвета. У многих народов индоевропейского племени пояс играет видную роль на свадьбах и в сказаниях. Брунгильда побеждена только с освобождением от пояса». Непобедимая царица Амазонок Ипполита побеждена только после того как ее пояс неуязвимости был украден.

«Поскольку изначально пояс предназначен был служить охраной самой уязвимой части человека – живота, то отношение к нему было особое, и не только у славянских народов. Известно, что хетты в III тысячелетии до нашей эры, придя на территорию Малой Азии, поражали своих соседей удивительным обычаем: взяв в плен вражеского воина, они сначала снимали с него пояс, а уже потом отнимали у него оружие. Снять с человека пояс – означало обесчестить его, изменить его социальный статус, превратить его в раба» (Е.В. Политковская. «Как одевались в Москве и ее окрестностях...»).

Пояса на Руси часто были красного цвета и отождествлялись с солнцем и радугой. «У литовцев радуга носит название небесного пояса и приписывается Лауме, грозовому божеству, заведовавшему громовыми стрелами и покровительствующему новорожденным младенцам. Древнеиндусское религиозное изречение над поясом невесты: «Я связываю тебя с молоком земли и травами, с богатством и потомством; опоясанная будь сильна и счастлива». Изречение довольно ясно намекает на радугу, опоясывающую в летнее время землю, после того как она приняла в себя небесное молоко – дождь, зазеленела травами и сделалась богата и сильна» (Сумцов. «Символика славянских обрядов»).

Пояс считался предохранительным средством от колдовства.

Итак, пояс ограждает от вредоносных влияний внешнего мира, дает силу, счастье и изобилие. Опоясаться радугой – значит опоясаться силой небесной сферы, мудростью, препоясаться всей земной и небесной палитрой красок, вобрать в себя их силу и гармонию.

Пояс-круг – организация мыслей и чувств, ограждение себя от внутреннего и от внешнего хаоса. Пояс – замкнутая линия, противопоставлен разомкнутой линии, имеющей начало и конец, олицетворяющей двойственность мира. Пояс-круг олицетворяет вечность, организованное пространство, познанную упорядоченную вселенную в пределах этого круга, в противопоставление внешнему профанному пространству – сфере непознанного. Круг – символ

созданной из вод небытия вселенной, пространство вне круга олицетворяет сами первозданные воды хаоса. Отсюда страх быть распоясанным – раствориться в океане небытия.

Таким образом, свадебные обряды, все, что связывалось со свадьбой, считалось священным. И жених, и невеста уподоблялись светилам, так же, как гости и свадебный поезд. Все одежды, которые были на них одеты, венки, пояса, кольца – считались священными, несущими целительную силу. Брачная одежда бережно хранилась. Считалось, что от простого прикосновения к ней можно получить исцеление от болезни.

Свадьбы всегда связывались с солнцем, с его прибывающей активной силой. Поэтому свадьбы начинали играть в феврале, когда «солнце обнаруживает очевидный поворот на лето... прибавляющиеся дни предвещают животворную победу теплого и светлого начала в природе над зимним холодом и мраком» (Сумцов). Весна, середина лета и начало осени, когда солнце наиболее активно и производительно, считались благодатным временем для проведения свадеб. Т.е. новая семья, новая вселенная начинаются с торжества света и тепла над холодом и мраком. Торжество света над мраком – это торжество законов плодотворной жизни над тьмой неведения. Язык природы подсказывает правила сотворения семьи, нового мира.

Огонь

Огонь в свадебных обрядах участвует в виде свечи, горящего факела и костра (см. гл. «Стихии»).

«Свеча на свадьбах служит знамением солнца. Само солнце провожает и встречает молодую».

Свеча символ связи с истиной.

На Руси свечой трижды обводят вокруг молодых, троекратно касаясь их лба.

«Обычай провожать молодую в дом новобрачного с *факелами* в руках был у древних индусов, греков, римлян, китайцев... Обыкновенно встречать молодых, возвратившихся из церкви, со свечой в руках встречается в Пензенской губернии и в Белой России; у ацтеков молодую в доме новобрачного встречали с факелами в руках» (Сумцов).

Огонь как символ солнца, знания, просвещения, духовного начала освещает путь новой семьи.

Костер. «У малорусов в XVIII столетии и в настоящее время, у белорусов, сандомирских поляков молодой и его дружки по дороге в церковь перепрыгивают через зажженный костер. Обыкновенно это было у древних германцев. В настоящее время молодые в Бранденбурге, отправляясь венчаться, переходят через разложенный на пороге огонь. В Китае невесту переводят через жаровню раскаленных угольев, поставленную в дверях».

Символом чего являются порог и дверь дома? «Двери ассоциируются с телесным низом. Если дом – это женское тело, то двери – женские гениталии; прежде всего их объединяет идея входа/выхода». Выходя из дверей дома, человек символически заново рождается. Невеста, входя в дом мужа, обретает символически новое рождение в новой вселенной – той семьи, куда привел ее жених. Переступив через разложенный на пороге огонь, молодожены символически проходили очищение от всего ненужного, что было в прошлом, чтобы не привнести это в новую жизнь.

Огонь – это символ очищения и символ бессмертия. Тот, кто перепрыгнул через огонь – очищен и освящен.

«Если в одних местах молодые прыгают через горящий костер, то в других местах, в силу ослабления обряда, ограничиваются только зажжением одного или нескольких костров во время бракосочетания... В свадьбах костер имеет значение очистительное и предохранительное от колдовства. Освящая молодых, он препятствует действию на них наговоров злых людей. Очистительное значение огня сказывается во многих индоевропейских народных рассказах и обрядах, между прочим, в известном древнегреческом рассказе о богине Фемиде, которая держала своего смертного сына Ахилла перед огнем и клала его в самый огонь, с целью очистить и сделать бессмертным» (Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов»).

Аналогичный сюжет встречается в египетском мифе об Исида и Осирисе. Исида помещала в огонь младенца – сына приютившей ее царицы с целью надления его бессмертием.

Хлеб

«Солнце и его теплотворные лучи сближаются, даже отождествляются с хлебом или тестом» (Н.Ф. Сумцов). По всей Руси распространен обычай держать хлеб при благословении жениха и невесты. Круглая форма хлеба также сближает его с солнцем. «Хлеб как символ солнца – предмет священный; положение его на голову молодых освящает последних. Кроме того, хлеб – предмет жертвоприношения. Его поднимали повыше, как высоко поднимают квашню, как с горы скатывают хлеб в Болгарии 9 марта – все потому, что божество, его приемлющее, находится высоко в небесных пространствах» (Н.Ф. Сумцов).

Свадебный каравай сравнивается с ясным днем, с богом, с солнцем:

Як день белий,
Як Бог милий,
Як яснее соненько,
Що светить в веконенько.

«В малорусской и белорусской каравайных песнях просят Бога сойти с неба и не становиться за дверьми, а войти в избу, сесть в переднем углу и дать молодой долю. Господь нисходит на эти просьбы и даже сам месит каравай или только содействует его приготовлению своим божественным словом» (Н.Ф. Сумцов).

Таким образом, хлеб как символ солнца и бога – призван освятить новую семью, дать им духовную пищу – божественную, созданную божественным словом. Хлеб – пища, но в данном контексте не только физическая, сулящая изобильную жизнь, но и пища духовная, хлеб истины.

Пускание хлеба с горы – символ движения солнца духовного в мир физический, низведение божественных идей на землю.

В свадебных обрядах женщина отождествляется с мировым женским началом, с небесными явлениями – светом зари, солнцем, месяцем, звездой, с плодотворной матерью земель. Мужчина отождествляется с богом-творцом, с солнцем, месяцем, богом-громовником, небом. Не просто два человека обручаются, это небо и земля объединяются в плодотворном союзе, чтобы творить новый мир, это солнце и месяц составляют единство и гармонию дня и ночи, единство двух противоположностей, это дожденосные облака и гром венчаются, чтобы наделять плодородием окружающее пространство. Это отождествление благословляет молодых на весь дальнейший совместный путь. Таким образом, свадьба – это повторение космогонии, низведение макрокосмических явлений в земное бытие человека, сотворение из небытия новой вселенной гармонии и порядка. Как сложится совместная жизнь молодоженов, зависит от них самих, но все обряды, все символы свадьбы были направлены на утверждение в семье истины, гармонии, порядка и материального изобилия. Свадьба благословляла, венчала светом мудрости все три плана человека – его дух, душу и тело. Да, Храм – мы сами, в котором есть и священники, и молящиеся, и торговцы. Свадьба невесты и жениха – это объединение в истине, мудрости и красоте ради сотворения вместе подлинно прекрасных плодов, священного храма бытия, создания новой вселенной гармонии и порядка.

Баба Яга

Знания о том, где найти потерянную царевну-лягушку, как обнаружить царство Кощея Бессмертного или Змея Горыныча дает Ивану Баба Яга. Образ Яги противоречив. Она и дает знания, помогает герою, наделяет волшебными предметами и крадет детей, сжигает в печи. Пропп выводит три формы яги. Это Яга-дарительница, Яга-похитительница и Яга-воительница. В. Пропп считает, что Яга имеет связь с царством мертвых и с обрядами посвящения юношества при наступлении половой зрелости, которые тоже связаны с представлениями о символической смерти посвящаемого. Действительно, Ягу окружают множество символов смерти. Хочется подчеркнуть – *символической смерти*, т.к. В.Я. Пропп рассматривает царство Яги, как царство физической смерти, как область загробного мира, в который попадает герой.

Рассмотрим символы, сопровождающие Ягу.

Лес

Избушка Яги сокрыта непременно посреди дремучего, темного, таинственного леса. С одной стороны, лес противопоставлялся жилому месту, поселению. Мышление древних отделяло дом и селение как сотворенный, познанный, упорядоченный мир от остального мира за пределами селения как мира непознанного, профанного, символически олицетворяющего первозданный хаос. Избушка Яги находится за пределами познанного мира – в сфере неизведанного. Поэтому и Яга, и место ее обитания уже внушают страх, т.к. человек боится неизвестности. Попад в сферу леса, можно кануть в небытие или открыть новые возможности, расширить пределы собственной познанной вселенной.

«Древний человек имел особый взгляд на растительное царство: у него деревья ценились не столько по их практической пригодности, сколько по их отношению к нравственному миру человека. Предметы царства растительного были рассматриваемы как живые, способные к самостоятельной деятельности личности... Рост дерева и рост человека в некоторых случаях могут обуславливать друг друга. Дерево является обиталищем духа, который может действовать в известном направлении на человека; оттого дерево играло не последнюю роль в древних религиозных обрядах.

Одухотворение дерева сообщило таинственную духовную жизнь лесу. Лес был древнейшим народным святилищем» (Н.Ф. Сумцов. «Символика славянских обрядов»).

Итак, исходя из народных представлений о лесе, можно сделать вывод, что лес Бабы Яги – место, где герой погибает, возвращается в небытие, теряется в неизвестном пространстве леса. Среди множественности деревьев, которые славяне делили на счастливые и несчастные, можно заблудиться. Если же понять лес, познать природу и назначение каждого дерева, т.е. значение различных явлений, встречаемых в жизни, то лес из хаотичного пространства превращается в путь. Лес становится символом роста и расширения сознания героя. В этом случае лес из профанного состояния преобразуется в святилище, где происходит трансформация героя.

Отсюда эпитеты леса – дремучий, темный – т.е. место, где можно заблудиться. И в то же время таинственный – в нем сокрыто множество тайн и кладов, ждущих своего откровения.

Лес олицетворяет собой иллюзорный мир, в котором можно заблудиться. Когда герои бросают гребешок, превращающийся в лес, задерживающий преследователя, это символизирует пройденный путь познания героев, их мыслительную деятельность, т.к. гребешок, из которого рождается лес, носят на голове. Согласно представлениям древних славян человек делился по вертикали на три части. Голова соответствовала небесному, духовному миру, тело земному, ноги подземному, миру мертвых. Соответственно то, что носится на голове, имеет отношение к духовному миру. Лес в данном случае – это мудрые мысли героев, которые задерживают преследователя. Прежде чем продолжить погоню, Яге нужно «перегрызть» этот лес мудрых мыслей, т.е. понять.

Сама Баба Яга летает над лесом, и герой на коне «летит выше лесу стоячего». Здесь мы обращаемся к трехчленному делению мира славянами. Герои отрываются от земли и поднимаются в область небесной сферы – из сферы эмоциональной они поднимаются в ментальную, духовную сферу.

Лететь над лесом, значит, подняться над миром иллюзий на крыльях мысли. Перенестись из сферы неведения в область знания и осознанности, в область свободно мыслящего сознания. Возможность увидеть сверху всю панораму своего бытия, объективную картину своей внутренней сказки.

Дом Яги – избушка на курьих ножках

Избушка Яги стоит на границе тридесятого царства, охраняя вход в него. В. Я. Пропп считает тридесятое царство миром мертвых. Яга, по его мнению, живет на границе мира живых и мертвых и является проводником в царство умерших. Предлагаю рассматривать Бабу Ягу как символ трансформации, смерти, но смерти внутреннего хаоса, присущего каждому человеку. Пропп пишет об обрядах посвящения юношей, о символической смерти посвящаемых и втором рождении во взрослую жизнь. Он проводит аналогии между этими обрядами и символами Яги. В момент посвящения происходит не физическая смерть, а смерть одного состояния – детства, наивности, неведения и рождение другого – зрелости и знания. Это момент трансформации. Рассмотрим символы, окружающие ягу и проверим – действительно ли они олицетворяют мир мертвых или являются этапами трансформации, смерти и возрождения.

Дом так же, как и тело человека, согласно представлениям древних славян, имел трехчленное деление. «Крыша дома уподобляется голове человека. Термины, обозначающие части головы, используются для описания элементов крыши: лобяк, лбище, залобник, чело (*бел.*) – фронтон дома; череповой венец – последний венец дома, более толстый, чем другие; череп – потолок избы, причелины – доски, на которые набиваются концы обрешетин, другое название причелин – косицы; усы – затесанные концы верхнего бревна, проушины – выемки стропил и т. д.

Голова человека (верх в анатомическом коде) и крыша дома (верх жилища) связаны с небесной сферой. Об этом свидетельствует солярная семантика орнамента крыши. Представления о связи головы человека с небом сохранились в фольклоре, например в описании былинной героини:

По косицам частые звездочки,
А во тем пекет красное солнышко».

(*Верования. Ритуал. Символ. Н.Е. Мазалова. «Человек и дом: тождество русских представлений»*).

Дом отождествлялся с космосом и человеком. «В мифологическом сознании человек выступает как универсальная модель Вселенной. Его тело может быть представлено и как единое целое, и как разделенное на части. Представлениям о теле как целом соответствуют и представления о доме; структурные элементы в модели человеческого тела (его части) имеют соответствия в модели мира (его элементы) и тождественны им. Об этом прежде всего свидетельствует народная лексика, а также обряды, верования и пр. Дом у восточных славян воспринимается как женское тело, эти представления сохранились у украинцев; например, загадка о хате: «Стоит Даша, надулася, полу открыла, людей впустила» (Верования. Ритуал. Символ. Н.Е. Мазалова. «Человек и дом: тождество русских представлений»).

Изба, являющаяся символом женского тела, принимая в себя человека, символически помещает его вновь в утробу матери. Таким образом, войдя в дом после законченного трудового дня, крестьянин возвращался в материнское лоно для возрождения, чтобы утром выйти из дома с новыми силами, заново рожденным.

Четырехугольный сруб избы отождествлялся в народном представлении с телом человека и сторонами света. Подпол отождествлялся с ногами человека и миром загробным.

Избушка Яги в отличие от обычной имеет вместо подпола курьи ноги, т.е. птичьи ноги. Можно сказать, что это символ подвижности дома-сознания, дома, «мечтающего взлететь». Избушка поворачивается вокруг своей оси: «стоит избушка на курьих лапках, кругом поверты-

вается» («Царевна-лягушка». Обработка Афанасьева). Вращение – линия, замкнутая в круг, – символ бесконечности, бесконечного развития, эволюции и организации пространства.

Пропп отождествляет Ягу, лежащую на печи, с мертвецом, лежащим в гробу. Яга занимает всю избушку, которая, кажется, тесна для нее, ее нос в потолок врос. Из этого В. Пропп делает вывод, что она подобна мертвецу в тесном гробу. В народных представлениях мир мертвых связан с подполом дома. Если бы Баба Яга относилась к миру мертвых, то местом ее пребывания был бы подпол. Но Яга лежит на печи. Печь в народном представлении – аналогична сердцу человека, а устье печи аналогично материнскому чреву. Ее нос врос в потолок – область небесной сферы и мира духовного, можно сказать – Яга дышит мудростью неба. Таким образом, Яга находится между миром небесным – крышей дома и миром загробным, представленным курьими ножками. Ноги связаны с движением, это путь к цели. Если связать представления подпола с миром предков и замену подпола курьими ножками, то можно сделать вывод – это путь предков, это мобильный опыт этого пути, дающий Яге силу в мире проявленном, в сфере земного бытия человека.

Избушка часто окружена **забором из человеческих костей с черепами**. Кости – это объективный символ смерти. Но смерти чего? Череп при жизни защищает орган мышления – мозг, орудие разума. Обнаженный череп – символ смерти разума. Тын с черепами, акцент на смерти разума, живущего при жизни за черепом. Смерть сознания. Из черепов льется свет через глазницы, так что им можно освещать путь, как факелом. В сказке «Василиса Прекрасная» когда Василиса подходит к избушке Яги, наступает ночь. «Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, на всей поляне стало светло, как среди дня». Возвращаясь от Яги, Василиса освещает путь светом черепа, который погас только с наступлением утра.

Череп со светящимися глазницами – это символ смерти обыденного мирского разума. Свет же во многих культурах символизирует знание, дух, свет истины (см стр. 134, «Солнце», сказка о Финисте). Недаром пословица гласит: «Знание – свет, неведение –

тьма». Т.е. происходит замена смертного ограниченного сознания сознанием бессмертным, истинным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.